

Евгений Лисицин
Алекс Рок

КНЯЗЬ ДЫДЕР

КНЯЗЬ РЫСЕВ

ЕВГЕНИЙ ЛИСИЦИН

КНЯЗЬ РЫСЕВ 2

«Автор»

2023

Лисицин Е.

Князь Рысев 2 / Е. Лисицин — «Автор», 2023 — (Князь Рысев)

Еще вчера я был гол, а сегодня сокол. Точнее, рысь. Князь Рысев, приятно познакомиться. Хотите знать, что дает мой титул? Головную боль, официальную опалу у императора, и всеобщее желание моей смерти, даже у соседской кошки. Хрен им! Умирать второй раз не по-княжески. Тем более у нас тут есть лисодевочки, сексуальные демоницы и чародейки прямо огонь, причем в прямом смысле слова. Значит, прорвемся или порвемся, тут уж как карта ляжет. Ну, понеслась...

Евгений Лисицин, Алекс Рок

Князь Рысев 2

Глава 1

Внутри было все воистину по-царски.

Офицерский корпус встретил нас роскошным убранством величественных залов. Над нашими головами возвышались громады хрустальных люстр, под ногами лежал мягкий ворс начищенных до блеска ковров. Молоденькие горничные, еще со вчерашнего вечера наводившие марафет для наших глаз, стыдливо прятали взор, но то и дело бросали на нас изучающие взгляды.

Будто заранее выбирали себе женихов.

Выбрать и правда было из кого. Вчерашние мальчишки, сегодняшние юнцы мнили себя уже настоящими мужчинами. У меня в глазах рябило от обилия белых кителей и блеска туфель. Я был одет в точно такие же одеяния, что и остальные – мне вспомнилось, как Ибрагим с понурыми, уставшими глазами принес мне кадетскую форму. Где он ее взял и каких это стоило усилий, оставалось только догадываться.

Инквизитории тоже решили посетить столь торжественное событие и мрачными фигурами, словно мыши, жались по углам. Раскидистые мантии, скрывающие лицо капюшоны, таинственный вид; уж не знаю, для чего их позвали. Предотвращать какие-то магические преступления или же наоборот – красиво смотреться на нашем фоне?

Не желая отставать от них ни на шаг, Белые Свистки старательно и на глаз выискивали закравшегося в ряды благородных вора, убийцу, ну или, на самый уж крайний случай, мародера.

К их позору, а может, и вящей радости, тут такими и не пахло.

Вышагивавший перед нами старикан был круглолиц, усат, смотрел на нас холодным, изучающим взглядом серых глаз. Грудь хвасталась обилием орденов и медалей за подвиги, не боевое же брюшко, вываливающееся из-под ремня, говорило лишь о том, что все они в прошлом. Старик хромал на левую ногу, то и дело болезненно опираясь на трость, а я спрятал за белизной своей перчатки улыбку. Не иначе, как однажды и этого бедолагу вела дорога приключений, но потом ему попала стрела в колено...

Он горазд был на хитромудрые имена. Зычным, хорошо поставленным офицерским голосом он звал нас то надеждой страны, то цветом Российской Империи.

Надежда страны и цвет Российской Империи пучили глаза, важно дули щеки и совсем уж как-то по детски хмурили брови в тщетных надеждах казаться страшнее, чем они есть на самом деле.

Старика звали Григорием Николаевичем. Попытался прочесть его ясночтением, но то решило, что фига – лучшая для меня информация. Будто поняв, что я пытаюсь его прочесть, он остановил взгляд на мне, по-отечески улыбнулся. Мне казалось, что еще чуть-чуть – и он назидательно погрозит мне пальцем, но старик сдержался.

Николаевич был здесь главным в чине инфантер-генерала. Представляясь, он вздыхал, будто уходя в юность своих лет и гущу былых сражений. А жестокая реальность снова вырывала его из самого жаркого боя в душную комнатуху перед сотней-другой разодетых по последней моде оболтусов.

Он нещадно врал, и я это чуял. В нас он видел не будущих бойцов, а слепых, словно котят, мальчишек, не способных отыскать соперника даже у себя под носом.

Кашлянув, генерал велел оставить все смешки, пошутеечки и прочее за стенами его офицерского корпуса. Страна дает нам приют, знания, помогает развивать умения. Кров и стол – все,

что нужно настоящему солдату и сыну своей страны. Все остальное должно сгинуть в бездне будней и серости быта.

– Там! – Он указывал на резные двери, сквозь которые мы вошли меньше часа назад. – Там оставьте все. Невзгоды, дразги, передразги, мальчишеские ссоры. Потому что здесь есть место только воинскому братству, настоящей мужской дружбе и взаимовыручке.

Наверное, говори это кто другой и другим голосом, это вызвало бы у меня ухмылку. Над Николаевичем же смеяться как раз-таки не хотелось. Под мощью его голоса хотелось вскочить, вытянуться в струну, отдать честь; и лишь мудрость, что к пустой голове руку не прикладывают, не давала мне надеть глупостей.

Другие разделяли мои чувства. Я видел, как нахмурился Леня Дельвиг. Толстяк, казалось, весь обратился в слух и разве что не руками ловил каждое слово старшего офицера. Евгений постыдным образом разинул рот – вероятно, в иной ситуации бы над ним подшутили.

Здесь же, под взглядом старика, не осмелился никто.

Он распинался перед нами немногословно, скупое и будто желал как можно скорее сгинуть прочь от наших любопытных взглядов. Или назойливых – старик явно желал уединения. По его словам, нам вскоре должны были выдать ключи от будущих комнат. Те, кто желает, могут на выходные отправляться домой, остальные призваны были ютиться в личных покоях. Завтрак сразу же после общего подъема, обед в три, ужин в семь. При упоминании последних у меня неприятно засосало под ложечкой. Со вчерашнего дня я успел сунуть в рот разве что некое подобие бутерброда да половинку яблока. Невесть откуда вытащившая их Алиска разделила со мной нехитрую снедь, Кондратьевич же лишь махнул рукой – сказал, что не хлебом единым сыт человек и что он потом найдет.

Я старательно гнал из головы мысли о чем-нибудь сочном и непременно вкусном, стараясь слушать, что говорят.

Николаевич всем своим видом давал понять, что повторять дважды не будет.

Занятия должны были начаться вот уже прямо с завтрашнего дня. Пока только первичные, с пояснениями, с выдачей учебников и прочего. Я закусил губу, слушая, как во мне потешается самый настоящий сарказм. Не унимаясь, он то и дело вопрошал: «Это, значит, ради этого ты спускался в ад? Ради этого едва ли не зубами держался за свою «лакмусовую бумажку» с подтверждением рода?» Стоил ли лежащий перед мной гранит науки того, чтобы за него убивать кучу людей, гнаться за ними на автомобиле, едва ли не обрекать себя на участь хуже смерти? Вспомнилось проклятие Франца – вот уж, воистину, участь так участь.

Я вздрогнул от одного только воспоминания, как темный чародей съезжился, резко теряя в размерах и плотности. Несчастный высыхал, увядал, обращаясь из человека лишь в какую-то помесь кожи, разинутого рта, глаз, нелепо торчащего носа и...

Мне ткнули в бок и, судя по всему, уже не первый раз. Я качнул головой, прогоняя наваждение.

– Федя, ты что? Оглух?

Дельвиг шипел мне на ухо не хуже змеи, не оставляя надежд вырвать меня из раздумий. Я вдруг захотел укунить самого себя за локоть – взгляды окружающих были прикованы ко мне. Надо отдать себе должное: я упорен. Только что ведь раздумывал над тем, что лучше слушать генерала, не упуская даже слова, и вот уже вынужден встать со своего места.

Я чувал себя, как двоечник в классе, которого вызвали к доске в момент напряженного спора с одноклассником. И теперь либо вставать, мяться и молчать под грузом чужих насмешек, либо ждать подсказки со стороны.

– Выйдите сюда, Рысев. Ну же, молодой князь, меньше стеснения. С барышнями-то, поди, вы куда более смелый.

Старик указал на место рядом с собой. Я шагнул почти на ватных ногах, чуя, как стыд коркой липнет к моей спине. Кусал губы Евгений, не находя места рукам, Дельвиг, казалось,

вот-вот превратится в самую настоящую юлу от переполнявшего волнения. Орлов же смотрел на меня насмешливым взглядом из-под полуприкрытых век. Словно те самые неприятности, что он обещал обрушить на меня, уже начались.

Я встряхнул плечами, будто в надежде сбросить охватившее оцепенение. Тушеваться сейчас – нет затеи глупее. А если буду вести себя правильным образом, то Николаевич сам выдаст, чего ему от меня требуется.

– Витаєте в облаках, молодой человек? Считаете болтовню старого дураля болтовней старого дураля?

Я лишь краем глаза посмотрел на сидящих в зале парней, потом на старика. Клянусь, в мире вряд ли бы нашелся человек, который в здравом уме осмелился бы назвать генерала старым дуралем. На это были способны только двое – один бессмертный, второй он сам.

– Никак нет, – четко и звонко ответил я. Армейский выучка никуда не делась: спрашивают, так лучше отвечай. Военные учреждения не любят тех, кто слишком долго и много мнет булки, меньшеется с ответом.

Николаевич обходил меня посолонь, будто все еще в надежде услышать хоть какое-то оправдание. Оправдываться мне хотелось меньше всего.

– Тогда извольте объяснить, что это такое?

Он задрал рукав своего кителя – тот, будто только и пошитый ради таких эксцессов, легко сдвинулся. Реши я повторить такой фокус со своим, и ничего бы не получилось.

Руку старика украшала изящная вязь татуировок. Едва он обнажил их, как они вспыхнули, переливаясь на свету радужным спектром.

– Подручные, – хрипло проговорил, недолго думая над ответом. Старик нахмурился, будто я только что брякнул самую большую ложь в своей жизни, а я продолжил: – Это метка, которую получает человек, с которым был заключен контракт.

– Однако, должен признать, что ошибался в вас, юный князь. – Мой ответ неприятно кольнул старика.

И тогда я начал расстегивать пуговицы своего кителя, швырнув его наземь, будто мешающуюся тряпку. Поднявшийся вдруг ропот зашекотал слух, зашевелились и Белые Свистки, и чуть ли не заснувшие инквизитории. Икнул Дельвиг, зажимая рот руками, мажорчик Орлов же качнул головой, вскинув руки и поудобней развалившись на своем стуле.

Генерал не сводил с меня глаз, жестом останавливая спешащих ему на подмогу служителей правопорядка. Вот черт, а я ведь даже как-то и не подумал, что подобную мою выходку могут невесть как воспринять. Что я делал бы, если бы мне заломили руки? Как бы оправдывался?

Не желая отвечать на подобные вопросы даже самому себе, подобно генералу задрал рукав рубахи, показывая ту же метку, что осталась на моем запястье после того, как я заключил свой первый контракт с Биской.

– Однако. – К Николаевича не дрогнул ни один мускул на лице, но я почему-то сразу же понял, что он удивлен. Другие выражали свое удивление кто как умел. На этот раз уже икнул Женька, раскрыв рот еще шире. Кто-то охнул, кто-то покачал головой. Орлов же, еще минутой назад давивший лыбу, сейчас больше походил на холодную, восковую фигуру. Он словно прямо сейчас готов был встать и удавиться.

– И давно это у вас?

– Можно это останется тайной? – попросил, и генерал лишь кивнул в ответ, прикрыв глаза в знак согласия.

– Попрошу вас одеться, юный князь, и занять свое место. Зайдите ко мне завтра после завтрака до первого занятия.

Мне оставалось лишь согласиться.

До конца дня я обратился в предмет всеобщего внимания. Будто поняв, что я стал новым городским слухом, инфантер-генерал резко сдал позиции, решив, что утруждать уши не слушающей его братии примерно то же самое, что метать бисер перед свиньями. Ретировался, заявив, что мы свободны до шести вечера, когда нам будут выданы ключи от будущих апартаментов.

Я чувал, что Леня и Евгений готовы разорвать меня на части клещами своих расспросов. Из милого толстячка и вытянутой шпалы они разом обратились в голодных до подробностей акул. Спасение у меня было только одно – я сослался на зов грешной плоти, решив хоть на мгновение, но уединиться в ближайшем сортире.

Что ж, надо отдать мне должное, я все еще витаю в облаках и лелею детские надежды, что в другом-то мире хоть что-то, а должно быть по-другому.

Ждал ли я гостей? Скорее, догадывался, что они чертиком из табакерки явится по мою душу.

В этот раз все оказалось даже круче, чем я мог предположить. Орлов выскочил на меня едва ли не из туалетной кабинки, будто только там меня и поджидал. Скрипнувшая за моей спиной дверь говорила, что пришла подмога, но только не ко мне. Я лишь слегка глянул через плечо – дружки, тусовавшиеся с мажорчиком. Какой-то доходяга и здоровенный, едва ли не под два метра ростом великан. Не иначе как в этом мире была какая-то особая мода на здоровяков: уже не первый за последние несколько дней.

Я устало выдохнул. Ну вот, вырвался, называется, из одних проблем, чтобы угодить в другие. Даже смешно стало – видеть, мельчаю. Недавно уконтропупил темного мага, знатного эльфа, промышлявшего темными делишками, и пару-тройку его подельников, а сейчас разбираюсь с хулиганами в школьном туалете.

Орлов был неизменен – прилизанная прическа, едва ли не стоявшая столбом, белый китель сгинул в небытие, верхняя пуговица рубахи расстегнута.

Он схватил меня за ворот, что есть силы припечатал к ближайшей стене, задрожало зеркало. Я глянул на его руку – мне вполне хватило бы ловкости вывернуться из его до нелепого смешного захвата. Просто хотелось выслушать, что же мажорчик хочет мне сказать. Вряд ли что-то достойное моих ушей, но вдруг? Можно же хоть еще немного побыть наивным?

– Слушай сюда, Рысев, и слушай внимательно. – Он склонил голову набок. Его дружки приближались ко мне с обеих сторон, будто давая понять, что деваться некуда. Группа поддержки для мистера Неуверенного.

Наверное, где-то внутри меня умер гениальный актер, претендовавший на «Оскар». Я боязливо натянул самую боязливую моську, какую можно только было себе представить. Мажорчик едва ли не просиял, как ее увидел, восторженно и оживился. Я так и читал в его глазах: «Ба! Да новый Рысев-то дутым старым оказался! Встряхни его хорошенько, и он посыплется, что одуванчик».

Троица была словно слетевшиеся на кровавый пир падальщики – то, что они питались чужим страхом, у меня сомнений не вызывало.

– Эта твоя метка – фикция, ведь так? Отвечай! – Он встряхнул меня, да так, что я затылком ударился о кафель стены. Боль неприятной иглой вонзилась в голову, желание разукрасить эту смазливую мордашку под краснощекого клоуна пробуждалось во мне с каждой секундой все больше и больше.

– А тебе до жуткого бы хотелось, чтобы она таковой оказалась, да?

– Ты же ничтожество! Уверен, ты и сам это понимаешь, откуда у тебя могла взяться лицензия? Купил? Украл?

– О, да я вижу, ты так и не выучил никаких новых слов. – Я зло и некрасиво оскалился. Еще момент назад праздновавший возвращение Рысева бывшего Орлов отстранился, увидев неприглядное для себя зрелище. Страх, который он так старательно пытался внушить мне,

теперь сам смотрел на него из моих глаз, нещадно копался в грязном белье его мыслей, словно желая вытащить его наружу.

– Слушай, ты, мелюзга! Забыл? – Огромный, словно бык, парнишка отстранил мажора в сторону, поигрывая мышцами. В его тупой башке уже давно сложился стереотип, что одним лишь громким басом и шириной бицепса можно достичь чего угодно.

Я же знал совершенно другое.

Чем больше шкаф, тем громче он падает.

Я плюнул ему в лицо. Качнувшись, будто вместо слюны у меня был яд, он попятился. Тяжело дыша, тщетно искал в карманах хоть какое-то подобие платка, а нашел лишь грязную тряпку.

– Ты! Ты! – Мускулы, коими давно заплыл мозг, мешали ему найти нужные слова. Вместо них на полученное только что оскорбление он решил ответить силой.

Стоило отдать должное – он был шустр. Кулак впечатался в стену буквально за мгновение до того, как я присел. Здоровяк резко взвыл: одно дело долбить чужие черепушки, другое – крошить голыми руками каменные стены.

Стены уборной оказались крепче. Лопнула плитка, покрываясь паутиной трещин, мерзко захрустела. Я резко рванул вперед, ударив головой открывшуюся грудь великана. Потеряв дыхание, вылупив глаза, будто выброшенная на берег рыба, он принялся шамкать ртом.

– Ах ты мразь!

Второй приятель из группы поддержки был тут как тут. Что ж, у меня и для него найдется подарочек. Великан, все еще надеявшийся устоять на ногах, с грохотом повалился на ближайшую к нему кабинку, выламывая двери. Мой новый противник встал в боевую стойку. Неудивительно, что эта троица задевала бывшего Рысева всякий раз. Здоровяк, драчун и подпевала-острослов на главных ролях – таких любая школа знает.

Ему разве что не хватало боевого питания в азиатском стиле. Он швырнул тело ко мне в едином прыжке, я всего на миг моргнул. Демоническая защита приняла его удар как должное, даже не крикнув, я же получил возможность безболезненно огреть паршивца по голове: словно обескураженная кукла, он зашатался из стороны в сторону, чудом держась на ногах.

И тут меня сбили с ног.

Орлов, вытирая нос рукавом, зло сверкал глазами. Красивое лицо уродовал оскал, как будто моя недавняя наглость достала его до самых печенок. Должен признать, он меня подловил.

Словно сцепившиеся кошки, мы покатались по начищенным плиткам пола, не забывая оставлять друг на друге один удар за другим. Загрохотало выкатившееся из моего кармана кольцо – то самое, что дал мне похититель. Едва увидев его, мажорчик вздрогнул, как от укола, привстал. Сбилась тяжелое дыхание, расширились глаза от удивления. Я решил не терять удачного момента, двинув паршивцу по лицу – он слетел с меня, будто мешок.

А колечко-то наш зазнайка узнал. У меня в голове бурлило желание схватить его, хорошенько встряхнуть да колотить смазливую мордашку до тех пор, пока он не сознается во всем.

Глас разума прозвучал Ибрагимовым наставлением выкинуть подобные глупости из головы: такого в офицерском корпусе точно не потерпят. А вылететь из него в тот же день, в который попал, – та еще перспектива.

– Собака, – зло проговорил Орлов, вставая на ноги.

В его глазах пылала самая настоящая злоба. Рукав еще недавно новой рубахи был порван, под глазом пунцовел наливающийся синяк. Я отпрянул в сторону, поняв, что шутки кончились. Если до того меня хотели попросту избить, задав пару неприятных вопросов, то сейчас Орлов жаждал только моей смерти. Будто увиденное им кольцо воспламенило тлеющие угли вражды.

Цепь свистнула у меня над головой, чуть не врезалась в плечо. Хрустнула белая кафельная плитка, крошечным осыпаясь на пол. Решив больше не играть со мной в поддавки, мажорчик воззвал к последнему доводу.

К магии.

Он пылал азартом. Стиснув кулаки, готовился осыпать меня ударами. Заковать в магические кандалы, нацепить на шею неподъемную гирю, облечь в одежду каторжника. Словно из воздуха рождалась крепкая сталь захватов. Магия сцепляла звенья одно за другим – раскаленные докрасна цепи готовы были к бою.

– Сдурел? – Едва пришедший в себя здоровяк, к моему удивлению, оказался куда разумней других, вдруг выскочив между нами. Шлепком сбил творящиеся неприятности для меня. Заклинание, едва потеряв концентрацию заклинателя, тут же рухнуло наземь ворохом медленно тающих искр.

– Сдурел? – повторил великан, накинувшись на Орлова, заключая его в могучие объятия. – За магию тебя вышвырнут, словно паршивую собаку!

– Пусти! – Мажорчик вырывался, исходя потоками бессильной злобы. Когда гигант приподнял его над землей, принялся барахтаться, словно брошенный в воду ребенок. – Пусти меня, я ему задам, слышишь? Пусти! И кольцо...

Словно не желая пачкать свою находку грязью чужой брани, я резко нагнулся, поднимая трофей, пряча в карман. Пока драчун, который получил от меня вторым, пытался прийти в себя, шмыгнул мимо «влюбленной парочки», вынырнув наружу. Пусть тут как-нибудь сами разберутся и без моей помощи.

В голове гудел самый настоящий рой мыслей и чувств. Где-то во мне бурлило гадкое, абсолютно детское желание хоть кому-нибудь, да пожаловаться на злодейку-судьбу за подобные выкрутасы.

– Ты что-то долго, – обеспокоенно окликнул меня Ленья. По его виду мне казалось, что он и удивлен, и рад моему возвращению. Не иначе, видел, как следом за мной в уборную заспешила благородная троица. Трудно было винить простодушного толстяка в трусости. Вряд ли он хоть когда-то в своей жизни отличался отважным нравом, да и что бы он сделал? Побегал за учителями? А за какими? Мы здесь только первый день...

– Разве мы куда-то спешим? – как можно небрежней отозвался, поправляя волосы и рубаху, еще раз ошупывая перстень в кармане кителя. Ох, чуял я, что эта маленькая безделушка если не вскрыет не самый настоящий гнойник местного благородного общества, то точно натворит не меньших дел.

Глава 2

Чай был горячим. Я одарил принесшую нам его кошкодевочку изучающим взглядом: коротенькое платьице, раскачивающийся из стороны в сторону кошачий хвост, круглые бедра, будто так и призывающие влечь по мягким ягодицам...

Зная о своей красоте, она готова была улыбаться и манерничать с кем угодно, лишь бы платили. Вспомнив о последнем, хлопнул себя по карманам и осознал, что пока еще нищ, сер и вовсе голодранец. Надо будет узнать на тему родового наследства у Ибрагима, не могло же быть так, что отец Рысева оставил своего отпрыска ни с чем. Или же все сгорело в огне? Или все отобрали после подозрения в шпионаже?

– Я заплачу, – ответил Женька, небрежно махнув рукой куда-то в сторону, разом решая мою проблему. Ленья же был все еще под впечатлением от того, что случилось в корпусе. Сейчас он смотрел на меня теми же самыми глазами, как и ранее на генерала. Прятал бурлящие в глубине его души мысли за маской простого волнения. Словам было тесно в его глотке, они рвались наружу, минуя стеснение и легкий страх.

– Ну Федор, ну хват! Я всякого ожидал, но вот чтоб у тебя первого уже контракт был заключен! Думал, на такое только Орлов был бы горазд, а ты даже его обскакал. – Он снова принялся трясти мне руку, как при нашей первой встрече.

– Да уж. – Женька решил не отставать от толстяка в славословии. – Должен признать, ты меня... удивил, Федор. Кому выпала честь стать твоим первым подопечным? Если бы мне еще неделю назад кто-нибудь сказал, что ты уже сумел заполучить его в свои руки, я бы рассмеялся тому фантазеру в лицо. А даже если бы допустил такую мысль, то решил бы, что ты выбрал Ибрагима Кондратьевича, потому что... потому что кого еще-то, кроме старика?

– А сейчас? – Я надкусил пирожное, что приятной сладостью таяло во рту. Честно признаться, предпочел бы подобное отдать девчонкам, а сейчас навернул тарелку гречки или борща, но жаловаться не приходилось. Лишь бы только не урчало в животе.

– Сейчас я даже не знаю, что и думать. – Друг развел руками, выражая крайнее недоумение. Я утер рот салфеткой, слыша, как внутри головы на шпагах дерутся два желания: рассказать все и не говорить ничего. Беспощадно. Будто два злейших врага, они осыпали друг дружку одним ударом за другим. Острота их аргументов желала родиться словами на языке.

Мне вспомнилось, как едва я вышел в туалет и меня подкараулил Орлов вместе со своей сворой. Господин Неуверенный получил от меня вместо внятных ответов свою отметину. Не такую красивую, как ему хотелось бы, но уж чем богат.

– А может, – одухотворенно выдохнул Дельвиг, – это она? Прекрасная нимфа, фея снов?

Толстяк не шутил, но говорил как-то уж чересчур восторженно. В его глазах плескалась неподдельная, неизбывная радость за меня. Однако. Никогда бы не подумал, что такие люди бывают. Если Евгений, как и остальные, давил в себе пусть легкую, пусть дружескую, но зависть, этот не ведал угрызений собственной никчемности. Как будто бы наоборот – мой успех давал ему новые силы для будущих свершений.

– О, если так, то, думаю, наш друг хотел бы сохранить ее имя в тайне. По крайней мере, до ближайшей практики.

– Практики? – Я чуть не поперхнулся. Парень же в ответ лишь повел плечами.

– Ну да, ты разве забыл? Практика же. Не знаю, как тебе, но нам всем выдадут по лицензии сразу же после того, как мы отучимся хотя бы неделю. А потом мы должны будем показать умение командовать и пользоваться обретенными нами навыками.

– Туда обязательно приводить своего слугу? – Я уже начал подозревать, что моя выходка желает выйти мне боком. Ну в самом деле, что я сделаю? Буду показывать на пустое место и кричать, что вот тут, прямо перед ними, стоит сама дочь Сатаны Бися, просто они ее не видят? Не инквизиторииев же мне с собой тащить. Да и как посмотрят на меня другие, вызвав, что я якшаюсь с чертями?

– А то как же. Обязательно. – Дельвиг сыто откинулся на спинку стула, на мгновение прикрыл глаза. По всему было видно, что толстяк был бы не прочь вздремнуть часок-другой где-нибудь в более спокойной обстановке.

Попадос.

Ладно, отчаиваться пока еще слишком рано. Авось потрясу на эту тему Кондратьича, в его седой голове завсегда какое-нибудь решение, да найдется.

Тревожный свист, словно нож, вспорол умиротворенный гомон мирских звуков. Задержался испуганный Дельвиг, привстал Женька, я последовал его примеру, разом обратившись в слух и зрение.

Мальчишка, разодетый в потрепанную жилетку и кепи, бежал со всех ног. В глазах плескалось самое что ни на есть настоящее отчаяние. Последние силы покидали мальчика, заставляя его сбавить ход. То и дело перебиравшие по воздуху худые руки стискивали зеленую, полную чего-то мутного бутылку.

Словно духи возмездия, за парнем спешили Белые Свистки. Нешадно и беспощадно настигали его, угрожая поймать за шиворот в любое мгновение.

Наверное, местный воришка, подумалось мне. Сразу же вспомнилось, как его побратим по ремеслу вытащил у меня тогда жалкие крохи денег и заветную, добытую в самых недрах ада бумагу. Это потом я уже узнал, что украсть ее невозможно, но тогда знатно перетрусил.

Мальчишка был словно прокаженный. Ступавшие на его путь обыватели спешили прочь, разодетые в платья дамы хватались за шляпки, прижимая к себе миниатюрные, будто родом из новомодного бутика, сумочки. Мужчины и рабочие вместо того чтобы задержать сорванца, стояли в каком-то немом оцепенении. Словно каждый думал, что не ему выпала быть героем сегодняшнего дня, а кому-то другому.

Кем-то другим оказалась кошководочка-разносчица. Любопытная, как и все кошки на свете, она вынырнула из своей подсобки на второй по счету свист. Мальчишка врзался в нее, будто грузовой состав, повалил с ног. Грязно ругнувшись, попытался удержать равновесие, но потерпел фиаско. Умирающим лебедем вскинув руки, он отправился на немилосердное свидание с землей. Бутыл из его рук выскочила, цокающее заскакала по мостовой, чтобы через мгновение глухо лопнуть под колесами проезжавшего мимо автомобиля.

– Берегись! – Женька, почуяв неладное даже раньше моего ясночтения, толкнул меня в сторону, опрокидывая на стулья. Не знаю, чего в нем было больше – неизбывного ужаса, дикого мужества или глупой самоотверженности, но он бросился прикрыть своим телом так и не вставшего со стула Лёню.

Яркая вспышка тотчас же ударила по глазам. Еще минуту назад погруженная в тщету мирских забот улица тотчас же окунулась в хаос отчаянного страха. Заголосили девицы, заохали мужчины, неустанно, будто в этом был весь смысл их жизни, смешно надувая щеки, дули в свистки полицейские.

Это не спасло.

Взрыв был беззвучен. Волной жара он поднялся над нами, прокатился по спинам, норовя нырнуть пламенем под рубахи, опалив волосы. Я стиснул зубы, закрыв глаза, будто это в самом деле могло спасти.

Первым, что попало мне на глаза, едва я вновь оказался на ногах, был тот самый убежавший воришка. Мальчишка безжизненно лежал ничком; под сорванной рубахой несчастного набухал сильнейший ожог. Кошководочке, на чьи ягодицы я засматривался пару минут назад, повезло не больше: несчастную посекло осколками битого стекла. От одного только взгляда на нее меня замутило.

Автомобиль металлической мертвой тушей лежал, перевернутый на крышу, перебирая все еще вращающимися колесами по воздуху, будто норовил отвезти хозяев на тот свет, прямо в объятия кровожадной смерти.

Еще мгновение, и мне показалось, что я смогу увидеть ее прообраз воочию. Чертята, что сидели в электрических приборах и спали в фонарных столбах, пробудились разом – любопытные, они смотрели из своих узилищ, потирая крохотные ручонки, будто говоря: ага, так-то вам, христианские души! Будете знать, как нашего брата взаперти держать!

Помимо смерти я надеялся увидеть здорового, под два этажа, громадного черта. Чтобы все при нем – и копыта, и рога, и пламя из пасти.

Но вместо его заметил лишь вытянувшийся столб мутной переливающейся воды. Она блестела прозрачной слюдой, была текуча, будто чернила. В ушах у меня стоял самый настоящий звон, заглушающий все и вся. Ничего не понимая, я задержал на воде взгляд.

Никса, подсказало мне ясночтение. Водный демон. Агрессивна.

Водяной столп булькал, переливался, спешил облечь себя в форму хоть и не высокой, но до осатанения злой девушки.

Про эту точно можно было сказать, что волосы водопадами спадали на плечи. Девчоночья фигурка исходила паром, будто обещала вот-вот растаять на солнце.

Словно приросшая к своему месту, она нелепо озиралась по сторонам, точно не знала, что делать. Я шаг за шагом, успокаивающе выставив перед собой руки, приближался к ней.

Жека, едва слезший с туши Дельвига, корчил мне жуткие рожи и разве что не рвал на себе волосы. Я не слышал его бессловесных причитаний, но мог поклясться, что он едва ли не умолял меня сдать назад, не играть в героя и не лезть.

Как будто бы он метался между лихорадочным желанием биться в ужасе с криками «все пропало!» и знаменитым предупреждением.

Я так и ждал, что, устав, он крикнет что-то вроде: «Не лезь, debil, оно тебя сожрет!»

Удача – знойная девка. Готова улыбаться, когда не надо, и поворачивается спиной в самый ответственный момент.

Потом инквизитории под светом софитовых ламп и на ночь глядя будут выпытывать у меня, что же конкретно я хотел сделать. Зажать в объятиях водного демона? Накинуться на нее со спины? Я ничего им не отвечу – чтобы там ни задумывал, оно не получилось.

Под ногой так мягко, но столь звонко хрупнул такой родной и знакомый стопарик, а весь мой лексикон разом свелся до пары-тройки увесистых ругательств.

Заползший под стол Дельвиг только сжал голову руками, будто заведомо знал, что сейчас будет, а потому не желал даже видеть.

Никса вздрогнула на звук, и лишь то, что я резко вильнул в сторону, меня спасло. Шипящая, готовая ошпарить кипятком водяная плеть ударила там, где я стоял мгновение назад. Демоница, торжествующе забулькав, будто распознала во мне того, кто и засадил ее в ту зло-счастную бутылку.

Ей хотелось мести, моих слез и страданий.

Текучей змеей, неестественно быстрыми движениями она скользнула ко мне. Руки, словно обвисшие макароны, тонкими струйками извивались, оставляя за собой водянистый след.

Я трижды проклял самого себя за несдержанность, четырежды принял правоту Женьки и ровно пять раз повторил самому себе, что в следующий-то раз я ни в жисть...

Демоница ударила меня наотмашь, словно клинком – меня опрокинуло наземь, а сам я вскрикнул от жуткой, пронизывающей до самых костей боли. На груди, под мокрой рубахой, набухал волдырями свежий ожог. Ткань из твердой и накрахмаленной обращалась в разваренные лохмотья, разбухшими нитками прилипая к свежей ране.

Сарказм плясал злыми бесами у самой головы. Будешь, зло шипел он, в следующий раз думать, с кем и чем имеешь дело!

Тело отзывалось болью, стонало и умоляло делать что угодно, только не вставать. И я бы с радостью послушал его стенания, если бы надо мной не нависла вытянутая, исходящая каплями кипятка морда водяной дьяволицы – будто желала убедиться, что я в самом деле мертв.

Ее тело, словно грузный, ленивый таракан не поспевало за ней, подкатилось волной, искажая пропорции.

Она брызнула на меня дождем и пролилась потоком, тая надежды сварить меня изнутри. Я же лишь успел закрыться руками, чтобы в тот же час окутать себя демоническим куполом.

Тот отозвался с огромной неохотой, будто не желал попадать на дневной свет. Я вспомнил слова Биски, что нечисть не зря по ночам действует, потому как в темноте сильнее.

Я перекатился в сторону сразу же, едва Никса обратилась огромных размеров лужей подо мной. Ей все еще казалось, что я уже мертв. Что ж, и у меня для нее есть ответный подарочек!

Краем пальца, тут же отдернув его прочь, я коснулся кипятка, пуская резкий разряд боли.

Она взвилась, будто ужаленная корова. В бушующем шторме ее вод отразилось едва ли не три десятка образов – водная демоница будто впервые ощутила на себе то, что так часто дарила другим.

Взбешенным осьминогом она принялась хлестать потоками воды, спеша ошпарить как можно людей. Еще недавно залегшие, прятаящиеся посетители кафе спешно выбирались наружу. Визжащие сирены автомобилей гремели неподалеку – говорили, что помощь рядом. Там и Белые Свистки, и инквизитории, и даже скорая помощь – для полного комплекта пожарных. Их жалобный вой умолял меня лишь об одном: продержаться еще минутку, может быть, другую...

Была бы она еще, эта самая минутка. Нечто подсказывало, что до прихода помощи я успею превратиться в вареного рака. Демонический щит не успеет восстановиться, следующего удара я могу и не пережить...

Пережил. Никса в два прыжка, разливаясь текучим ручьем, оказалась рядом со мной – изо рта дьяволицы брызнула мощная струя. Она врезалась в тень на моей спине, заставив ту корчиться в жутких муках. Озверев от столь теплого приема, затухающая тень успела уловить демоницу руками, резко дернуть на себя, словно за веревку, и врезать третьей рукой апперкотом снизу.

Никсу швырнуло вверх, будто мяч. Она рухнула на ближайший перевернутый стол, тут же распластавшись, разбившись и растекаясь потоками, чтобы через мгновение снова стать такой, какой и была.

Стол задымился, со стульев слезла съездившаяся, лопнувшая обивка. Лакировка резных ножек покрылась паутиной трещин.

Тень сгнула, не выдержав боли, ушла на долгую перезарядку. Окно способности закрылось красным, будто говоря, что про этот трюк я теперь могу забыть надолго.

Никса надвигалась на меня, как кобра на добычу. Обсидиановые точки глаз буравили меня ничего не выражающим взглядом. А я чувствовал себя почти голым – ни одна из тех способностей, что у меня остались, не могла причинить ей вреда.

С громким всплеском в горячее чрево демоницы врезался снаряд.

Жека, побледневший, едва стоящий на обеих ногах, давал собственному страху бой. Стискивая в руках керамическую кружку, он метил следующий бросок в Никсу, желая отвлечь ее внимание на себя.

У него неплохо так получилось – второго снаряда дьяволице удалось избежать. Выплюнув ему в ответку брошенный им до того булыжник, склизким червем она метнулась в его сторону.

Беспощадна, как бурный поток, неукротима, как сама водная стихия, она желала наших жертв.

Вами получена способность: Ледяная пуля 1-го уровня.

Наносит урон, равный 30 % интеллекта, имеет 15%-ный шанс критического урона.

Вами получена способность: Заморозка 1-го уровня.

Наносит урон существам огненного типа в зависимости от их уровня (получаемый противниками урон уменьшается на 5 % за каждый уровень выше колдующего).

25%-ный шанс заморозить цель на 2 секунды, шанс 50 % замедлить скорость действий на 30 %. Шансы утраиваются, если противник относится к водяному типу.

Я не сразу заметил, как Дельвиг, стоящий на коленях, пыжась, перебарывая мешающийся живот, склонился над измызганной, грязной салфеткой. Неуместной казалась открытая янтарная чернильница.

Будто забыв, что тут творится, юный поэт возносил оды своим музам, покрывая листок бисерным почерком. Я мог объяснить такое только магией! Возьмись за такое я – и салфетка бы обратилась разве что в сборник расплывшихся клякс.

Вами получена способность:

Вдохновение 3-его уровня...

Ай да Дельвиг, ай да сукин сын! Так вот, значит, что может благородный с классом поэт! Я почти чуял, как временно дарованные им способности текут по венам.

Описание я уже не читал, рванул Никсе наперерез. Обожженная грудь готова была взорваться от дикой боли, – но я миг создал ледяную пулю. С интеллектом у меня беда – надо было чаще ходить в библиотеки, – а потому вместо ледяного копья меж пальцев появился только тающий комочек снега.

Я впечатал им себе на бегу прямо по ожогу – блаженное успокоение облегчением растекалось по телу. Силы, уже паковавшие чемоданы и готовые меня покинуть, вдруг передумали.

Я врезался в друга в прыжке, ударом ног отпихнув его прочь от несущейся на него водяной плети. Ладонь кольнуло от подступившего холода – крохотный снежный вихрь ударил по отростку руки Никсы.

Дьяволица булькающе, будто выбравшийся на сушу утопленник, вскрикнула, когда резкий холод ледяным покровом принялся сковывать ее тело. Юркнула прочь, выламывая саму себя из получившейся ледяной глыбы. Я перекатился, встал на колено, еще одной ледяной пулей зарядив ей прямо в лицо. Снежок врезался в нее обидным шлепком, тут же исчезая паром в бурлящем кипятке.

Отломав то, что еще недавно было ее рукой, я взвесил осколок, словно дубину. В один рывок оказался с ней рядом, пригнулся, уходя от брызжащих во все стороны потоков кипятка беснующейся дьяволицы, снова призвал заморозку – холод тесным пленом обращал демоницу в ледяную статую.

Словно клинком, я рубанул осколком наотмашь – тот сразу же переломился, ледяными брызгами ударив мне в лицо. Замороженная Никса треснула, словно стекло, разламываясь на части. Желая ей помочь завершить свой жизненный путь, поддал ногой, опрокидывая наземь глыбу – та булыжниками рассыпалась при встрече с мостовой.

Усталый, довольный собой, я чуял, как злыми бесами из меня уходят остатки чужих сил. Умения Дельвига, на пару мгновений наделившие меня даром магии, забирали ее назад с утренней ценой. Я не без усталости и тяжело дыша наблюдал, как полоска маны угрюмо расплывается по моим счетам.

Вставал на ноги Женька, держась за поясницу – видать, я приложил его сильнее, чем рассчитывал; но не похоже, чтобы парень был на меня в обиде. Утирал пот со лба взмокший до невозможного Дельвиг – будто сам тут прыгал и скакал.

Мир на миг показался мне до умиротворенного спокойным. В воздухе повисло ощущение, что все закончилось, а мирная жизнь, хрустнувшая здесь и сейчас, восстановится – не через час, так через день.

А еще я знал, что эти ощущения обманчивей, чем неверные жены.

– Сзади! – успел выкрикнуть Женя, а я видел, как широко раскрылись его глаза от неизбывного ужаса.

Никса, еще недавно бывшая кучей ледяных обломков, восстала из своей хладной могилы. Не столь текучая, как прежде, но столь же горячая, пышущая паром, она возносилась, становясь все выше и выше с каждым мгновением. Ледяные булыжники впаивались в ее новое тело.

Никса, водяной демон, вторая фаза.

Агрессивна.

Я отмахнулся от возникших перед глазами сообщений. Облизнул разом высохшие губы и что есть сил заорал:

– Биска!

Я не знал, где сейчас дьяволица, но неистово верил, что она бросит все свои дела и примчится сюда. Если уж кто и должен знать, как бить водяную нечисть, так это она.

Дьяволица же решила, что мой отчаянный крик не стоит ее знойного внимания. Бесята, сидящие в клетках уличных фонарей, переговаривались друг с дружкой: чуяли во мне своего, не желали бросать на произвол судьбы. Один из них, вырвавшийся из своего узилища, выкатился кубарем, чудом удержался за стальную опору дверцы, чуть не рухнув вниз. Смешно и потешно дернувшись, он оседлал телефонный провод – не иначе как собирался звонить в самый ад.

Я был ему бесконечно благодарен, но понимал: что бы он там ни замышлял – не успеет.

Встав в угрожающую стойку, оскалившись, будто готовый мутузить кипяченую деву одними лишь кулаками, я снова воззвал к совести моей подопечной.

– Би-и-иска, мать твою! – Имя дьяволицы я кричал, будто жуткое заклинание. Вспомнил, как вертел руками Орлов там, в сортире, решил повторить за ним. Никса, еще мгновение назад сомневавшаяся, вдруг заспешила в сторону – кто ж ей скажет, что из всех доступных мне заклинаний только демонические? Да и те сейчас на скамейке запасных из-за кулдауна сидят...

Я широко раскрыл глаза от удивления, когда мои руковерчения возымели хоть какой-то эффект. Над демоницей хлопнула золотистая вспышка, тотчас же осыпавшая ее ворохом искр. Метнувшаяся было в сторону бестия стукнулась о стенки невидимой клетки, расплескалась в густую лужу. Словно ошалелая, желая вернуть себе прежнюю свободу, она забилась в конвульсиях, когда грянули выстрелы.

Я обернулся – инквизитории при поддержке Белых Свистков, едва выскочив из подоспевшего автомобиля, открыли огонь на поражение. Конусовидные трубки ружей в их руках изрыгали один разряд за другим, шлепая по телу Никсы снарядами. Те рвали ее в клочья – брызгами от нее отваливались куски.

Я уже знал, какую штуку запрошу на новый год у Дедушки Мороза!

С ног до головы меня охватило чувство того, что вот оно – наконец-то пришла кавалерия.

Как же до бесконечного вовремя.

Копье, сотканное из благодати, оставляя за собой золотистые, тающие в воздухе обрывки святых писаний, стальным прутком пробив клеть демоницы насквозь, пронзило и ее саму. Никса гортанно забулькала – ее растерянность обернулась паникой. Злоба бурлила в ней свежими силами, будто ветхая ткань, со звоном разъехались прутья искусственной клетки, прежде чем изувеченным заклинанием сгинули в небытие.

Уже не переливаясь, но переваливаясь, пытаюсь устоять на обеих ногах, Никса сделала несколько шагов.

Из-за спин инквизиторий выпорхнула девчонка. Огромные крылья, едва ли не в целый дорожный переход, слепили глаза золотым блеском. Бело-кремовые перья витали в воздухе, спеша наземь опавшими листьями. Я дернулся в сторону, но врезался в невидимый заслон: состоящий из шестигранных сот прозрачный щит защищал меня.

И от поиска приключений на пятую точку, и от приключений как таковых.

Дочь неба теперь решила взять все на себя. Она мягко приземлилась, под ее ногами засверкали колеса нимбов. Словно на роликовых коньках, она кружилась на них вокруг дьяволицы, крылья свисали со спины горбом.

Сделав стойку на руках, оттолкнувшись от земли, она врезалась в чудовище светящимися дисками колес – те оставили на теле Никсы глубокие прорехи. Кто сказал, что воду нельзя ранить, тот попросту никогда не видел ангела за работой...

Ей пошло бы сниматься в «Зене, королеве воинов»: с мрачным, холодным выражением на лице она расправлялась с противницей. Нимб, словно чакра, кружился вокруг хозяйки, выступая оружием. Клинком он вспарывал чрево дьяволицы – вместо кипятка наземь брызгала черная смола крови.

Все еще надеясь оказать хоть сколько-то достойное сопротивление, Никса изрыгала из себя потоки воды. Не столь шустрая, как прежде, она не поспевала за юркой фигуркой девчонки.

Замолчали ружья инквизиториев – не желая вмешиваться в каноничную битву добра со злом они отчаянно выжидали: праздновать им победу или отчаянно мстить?

Первое.

Я понял, что ангелица справится, уже тогда, когда отброшенная прочь туша Никсы нелепо попятилась. Ангелица, нырнувшая ей под самые ноги, расправила крылья под встречный поток воздуха и резко, стискивая в руках свежий святой снаряд, словно пуля, пронзила ее насквозь.

Никса булькнула, стараясь срастить невероятных размеров пробоину в груди, прежде чем лопнула. Поток черного дождя ее потрохов залил улицу. Сверкая глазами, дочь неба небрежно смотрела через плечо, будто вопрошая: кто следующий?

Желающих не нашлось.

Были разве что бесконечно благодарные. Чудом спасшиеся посетители кафе спешили ей навстречу, возносили хвалу, обещали отдать последние деньги на богоугодные дела.

Звали ее Славей.

Она не обращала на них внимания, будто все они разом обратились для нее в сборище бессловесных, но до жуткого назойливых кукол.

Взгляд полуприкрытых глаз коснулся меня.

Ну приехали! Эта тоже наверняка не хуже демонов узрит во мне чужеземного гостя. Еще и полудемона в придачу. Интересно, меня ждет та же участь, что и Никсу?

Я не знал, но был готов принять свою судьбу. Девчонка шла на меня неотвратимой карой, для нее как будто разом весь схлопнулся в одну точку, а точка эта – я.

Я, как будто больше нечем было заняться, выдумывал себе последние слова, а как только она остановилась передо мной, нелепо улыбнулся.

Дельвиг и Женька за моей спиной смотрели, разинув рты.

Вместо кары она коснулась меня рукой, огладила плечи, прищурилась.

– Ты ранен, – указала на мою грудь. Перед глазами лог вещал в ярких подробностях, как отважно целебное заклинание лупцует мою боль, прогоняя ее прочь.

А вот опыта за Никсу мне не отвесили ни грамма, все ушло, кхм, в расширение сисек ангелицы. Словно желая компенсации, я осторожно коснулся ее талии, притянул к себе, другая ладонь незаметно скользнула на ягодицы.

Ангел возмущенно и до страшного мило вскрикнула:

– Дурак.

Мою щеку в тот же миг обожгло ударом обидной пощечины.

Глава 3

Я не помнил, как получил ключи от своей комнаты, как и того, как оказался в ней. Пришел в себя лишь тогда, когда увидел перед собой заправленную постель – холод подушки манил нырнуть в нее прямо лицом, а уют тонкого, но теплого одеяла обещал избавить от усталости прямо здесь и сейчас.

Дверь за моей спиной захлопнулась, и у меня не было никакого желания проверять, заперта она или нет. Если Ибрагим говорил правду, то здесь мне может угрожать разве что только сам Сатана. Словно в подтверждение его слов за окном я видел дежурящих инквизито-

риев – форменный, больше похожий на вытянутый трактор грузовик привез сюда целую бригаду тех, кто должен был бороться с чародеями, чертями и прочей нечистью.

Я рухнул на кровать, закрывая глаза. Сон манил в объятия, но вместо сладких женских рук раз за разом вытаскивал из головы допрос в застенках библиотеки Егоровны. На этот раз глава инквизитории решила не посещать меня лично. Но я чувствовал, что ее глаза отовсюду следят за каждым моим движением, внимают каждому сказанному слову. Разодетый в робу, скусающий и мечтающий о чашке горячего чая мужик лет сорока допрашивал меня без особого энтузиазма. Я знал, что в иных комнатах ту же процедуру сейчас проходят и Дельвиг, и Женька.

По сотому разу у меня спрашивали, что я видел. Девчонка – резвая и, казалось, единственная живая среди всех остальных стучала пальцами по клавишам печатной машинки, словно заведенная. Протокол стал смыслом ее сегодняшнего вечера, и она отдавала ему всю себя без остатка.

Когда же бесконечность одинаковых вопросов, наконец, иссякла и сошла на нет, нам даровали долгожданную свободу. Чтобы вырвать меня из цепких лап борцов со всем чародейским, прискакал лично Ибрагим. Наверно, осмелюсь они не пустить старика внутрь, он бы недолго думая взялся за свой фирменный кортик. Тот болтался на поясе, будто ожидая своего часа, но сегодня был не его день.

Старик что-то говорил мне, когда мы шли в офицерский корпус, я глупо кивал, брякая в ответ что-то однозначное. Память игриво хихикала и говорила, что не отдаст мне эти воспоминания даже под страхом смерти, чтобы даже и не просил.

Я и не просил.

Почему-то засело в памяти, как Дельвиг из раза в раз, не переставая дивиться, повторял, что красивый у меня такой боевой клич, запоминающийся.

Биска.

Я улыбнулся. Ох, попадись мне под руку эта ленивая задница, хорошенько ей всыплю по первое число. Разве для того заключил с ней контракт, чтобы она всякий раз отлынивала, когда мне угрожает опасность?

В зале нас встречали, будто неведомых зверушек. Глупо было думать, что нас воспримут героями, осыплют с ног до головы овациями и будут перешептываться, понимая и серьезно кивая. Все наоборот – шептались, будто о прокаженных, умудрившихся вляпаться в историю, едва только ступили на порог офицерского корпуса.

Я чувствовал, как на языке смотревшего нам в спины Орлова гуляют слова, что там, где я только появляюсь, сразу же происходит беда. Горят дома родных и друзей, из ниоткуда и едва ли не посреди самого Петербурга появляются кровожадные убийцы с оружием наперевес.

Ну а уж стоило нам улигнуть на свободные часы, как тут же случился террористический акт.

Но он смолчал, видимо, решив, что оно того попросту не стоит. А может быть, даже в такой высокомерной паскуде есть хоть что-то, да человеческое. Вспомнив о нем, я тут же стиснул пресловутый перстень в кармане. Не знаю, как там у него с человеческим, а вот на пару-другую вопросов ему придется ответить, как бы он ни вертелся.

Не знаю, как ребята, но я чувствовал себя будто выжатый лимон. Все, чего сейчас хотелось – это провалиться в блаженном безделье до самого утра. Нечто внутри подсказывало, что случившееся – оно не просто так, что Белые Свистки сломают всю голову, поребрик будут носом рыть, но раскопают истину, о которой на завтра будут зудеть на каждом переулке и не только в газетах.

Сон, едва переставший мучить видениями былого, решил пустить меня в сонное царство Морфея, но в этот момент в окно застучали. Сон вспорхнул испуганной птицей, устремившись прочь, но я перевернулся на другой бок в тщетной надежде удержать его при себе.

Пустое дело.

Стук раздался вновь и на этот раз куда требовательней. Я заныл, возжелав оказаться простым мальчишкой. Понять поутру – и можно не ходить в школу, сославшись на плохое самочувствие.

– Иду уже, иду, – сказал, когда третий стук пообещал обратить окно в ворох битого стекла. Ноги вспыхнули болью, умоляя только о том, чтобы я одумался. Мало ли дураков, что стучатся в окно пятого этажа, будь выше этого!

Стоп, пятого этажа? Меня будто иглой пронзило, я вскочил на ноги. Кто бы ни был моим сегодняшним ночным гостем, он был чрезвычайно смел и отважен.

Моя рука скользнула к выключателю лампы – задремавший уже было со мной бесенок лениво покачивал хвостом из стороны в сторону, но все же взялся за работу. Вяло – лампочка то и дело озаряла комнату дрожащим светом, будто угрожая погаснуть вновь в любой момент.

У меня едва волосы не зашевелились на голове, а все тело напряглось в ожидании будущей стычки – по ту сторону стекла на меня смотрело желтоглазое, рогатое нечто, скалящее белые, пиловидные зубы.

Я выдохнул, лишь когда воспаленный мозг не сразу, но признал в ней Биску. Дьяволица, кажется, наконец-то решила ответить на мой зов, пусть и с огромным опозданием. Я открывал окно, обещая себе, что если она сейчас затянет песню про «лучше поздно, чем никогда», выпорю. Или вытрахаю. Может, и то и другое.

Она заползла в комнату не хуже чудовищных тварей из фильмов ужасов. Полуобнаженная, как и обычно, но на этот раз решила помимо набедренной навязки натянуть хоть что-то, что скроет ее грудь от моих похотливых взоров. Странно, раньше-то это для нее проблемой не было.

Она тяжело дышала, будто все это время бежала лично с чертовых рогов и прямо до нашего мира. На животе адской девчонки алел свежий, будто еще пульсирующий кровью рубец.

Я нахмурился.

– Это еще что такое? – указал ей на новый шрам, но она лишь махнула на это рукой, будто говоря, что сейчас есть дела куда поважнее, чем ее состояние.

Внутри меня бились возмущение и усталость. Первое требовало схватить девчонку за рога, которые она принялась привычно потирать, и истязать ее вопросами не хуже, чем инквизитории пытали меня самого. Второе утверждало, что нет ничего важнее, чем отдых. Я готов был согласиться с этим утверждением. Всеми руками за, скажите, где расписаться?

– Биска, я страшно устал. Чего тебе?

– Ого, живчик, а тебя очень сильно потрепало.

Она как будто даже на миг забыла, ради чего явилась в ночи в мою личную комнату. И откуда только узнала? Глянул на метку на руке, сразу же догадавшись о причинах. Ну и наверняка нет такой вещи, которой не знает черт – зря, что ли, пословицы об этом талдычут?

– Еще вчера я видела тебя не просто другим. А совершенно другим. Ты готов был вспороть животы двум велескам, выбить всю дурь из зарвавшегося чародея и заставить одну непослушную демоницу даже работать для тебя мотором в автомобиле. Что случилось, маленький?

Она сладко потянулась, будто бы мне назло зевнула, бросила внимательный взгляд на кровать, словно в самом деле надеялась увидеть там легион-другой барышень.

Легиона не было, как и барышень, если только не считать таковой мою усталость. Она представлялась мне призрачной блондинкой – той самой Славей, что пришла нам на помощь в битве с Никсой. Похлопывая себя по бедрам, она предлагала присоединиться к ней в блаженном ничегонеделании.

– Нам нужно идти по адресам. – Она перекинула на живот покоящуюся на ее спине сумку. Ту самую, которая была у подстреленного нами похитителя. Я едва не поперхнулся – доверил эти документы Ибрагиму на хранение и как-то совершенно забыл о них. Дьяволица пряталась в деталях, скалась на меня кровожадной ухмылкой.

– Разве это не может подождать... не знаю, до завтрашнего дня? – взвесил, сколько времени мне понадобится на сон и решил, что завтрашний вечер подходит как никогда лучше для подобного рода затей.

Бесячка запротестовала, будто я ей под нос икону сунул, замахала на меня руками.

– Ты хоть понимаешь, о чем говоришь? Назавтра этими самыми бумажками можно будет потереться, если уже не сегодня. Думаешь, те, кто нанимал того поганца, желают оставить за собой хвосты, по которым можно выйти на них? Его же собственные дружки поспешат подчистить за ним любую улику. А ты решил это время растратить на то, чтобы попросту дрыхнуть?

– Бися, я только что выжил в террористическом акте. На самом деле чудом – окажись я парой метров ближе, и, возможно, ты бы видела мой холодный труп без головы на мостовой. Потом меня дрючила вся инквизиторская братия в разных позах и с лютыми извращениями. Неужели ты думаешь, что единственное, чего мне сейчас не хватает, так это, едва перебирая ногами по полу, сунуть голову дьяволу в пасть?

Я брюзжал, осознавая ее правоту. Ворчал, будто старик, понимая, что никуда не денусь.

– Ох, как же ты натерпелся, сладенький. Попка не болит? – Биска давала мне понять, что жалость ко мне ей если и не чужда, то явно сейчас не стоит в приоритете. Я же лишь выдохнул в ответ, отрицательно покачав головой.

– Ну раз не болит, так натягивай портки и пошли.

Я выискивал в недрах своего уставшего сознания тысячу и одно проклятие. Неподъемным грузом щедро водружал их на спины всех и каждого. Досталось и Биске, и ее пресловутому батюшке, даже, кажется, на Ибрагимову долю хватило. А уж сколько досталось бывшему обладателю перстня в моем кармане – это надо было только видеть!

– Почему не пришла, когда я тебя звал?

– У меня в самом деле должно быть оправдание? – Кажется, мой вопрос ее обидел. Она прошлась, устремив взгляд на дежурящих с ружьями инквизитории.

– Как тебе удалось прошмыгнуть мимо них? – кивнул на служителей Егоровны, девчонка же лишь отмахнулась, будто от незначительного пустяка.

– Я же работаю на Егоровну. У меня ее знак есть. Потому не прошмыгнула, а прошла.

– Что ж не через парадную? Чего ж в окно-то? – усмехнулся, но она лишь пожала плечами в ответ.

– Так было веселее. Что, если скажу, что хотела застать тебя без штанов, живчик? – Ее рука вдруг скользнула к моей промежности, норовя нырнуть за резинку исподнего. Я почувствовал, как во мне просыпается мужское, но она ткнула меня пальцем в губы.

– Потом, маленький. Сейчас собирайся. И иди за мной. След в след. – Словно ребенку, она говорила отрывисто, тщательно проговаривая каждое слово. Смотрела на меня снизу вверх. – Пойдем через окно.

– А чего так? Инквизитории пропускают только один раз, а во второй – сразу за ружья?

Я острил из одной лишь вредности и тут же почувствовал стыд за собственную слабость. В конце концов, девчонка, явившаяся ко мне из самой преисподней, точно не виновата, что по мою жопу едва ли не целые отряды головорезов готовы выпустить на улицы Петербурга.

– Н-нет, – немного замаявшись, ответила она. Вдруг поежилась, будто от холода, сложила руки на груди. – Меня-то они пропускают. А вот что им скажешь ты, я не знаю. И ты, наверное, тоже. Хочешь провести сегодняшнюю ночь в теплых стенах их камеры?

– Нет уж, увольте, – поверженно поднял руки, представив, что придется снова пройти изнуряющие процедуры допроса. Выдохнув, облизнув высохшие губы, я отстранил ее, подошел к разверстой пасти окна, посмотрел вниз.

Высота заставила пальцы вспотеть и занеметь всего лишь на мгновение. Не мягкий асфальт, казалось, манил меня скорее вынырнуть наружу и познать всю жесткость его объятий.

Нет уж, дружище, как-нибудь в другой раз. Я прикинул ближайший путь до земли – почему-то вспомнилось, как бежал от мужа своей второй по счету «любви-до-гроба». Тогда она ведь и в самом деле едва ли не стала той самой до гроба...

– Свет погаси, – то ли в заботе об одном из младших братьев, то ли из опасений, что горящая лампа будет привлекать ненужные взоры, велела Биска.

Словно чертовкой в печь, она вылетела в окно, не дожидаясь меня – я тут же вынырнул глянуть, все ли с ней в порядке. Будто в самом деле боялся увидеть ее распластавшееся по холодным плитам ночного Петербурга тело.

Как ни в чем не бывало она восседала на пожарной лестнице, что была справа. У меня пересохло в горле, и я напомнил себе, что смотреть вниз – лучший способ сорваться. Страхи, забуллившие в голове тотчас же велели не поскользнуться, не подвернуть ногу, не оступиться, а я, в свою очередь, приказал им заткнуться и не булькать. Не я ли не так давно прыгал со спины дикого зверя на несущуюся со всех колес повозку? Вот то-то же.

Лестница под моим весом закрипела, в кожу впивалась мерзкая, мокрая ржавчина, налипшая на прутья. Я резко глянул вниз, но встрепенувшиеся инквизитории ничего не заподозрили. Или, по крайней мере, поленились поднять голову на звук. За что им только платят?

– А твоя сумка – ее тоже только я вижу? – спросил, пытая спускаясь. С пожарной лестницы Биска скользнула на водопроводную трубу – та лишь едва качнулась под ее весом. Демоница ловко закинула тело на нее, уселась поудобней, едва не прилипнув спиной к стене. Сумка будто вдавилась в кирпичную кладку.

– Только ты. Или, думаешь, никого бы из ночных гуляк не удивила летящая по воздуху сумка?

Я признал справедливость ее вопроса.

Ночной воздух бодрил, гнал недавний сон прочь. Жаль, что на усталость этот фокус несколько не работал. Словно неудовлетворенная дева, она ныла болью в натруженных мышцах.

Труба оказалась скользкой и протестующее захрустела, сминаясь подо мной, стоило мне добраться до середины. Сердце вмиг ухнуло в пятки, когда меня рывком дернуло вниз. Я выдохнул, когда понял, что все еще не лечу на самую печальную встречу в своей жизни с землей, и торопливо начал перебирать руками.

Ноги коснулись черепицы. Офицерский корпус ухмыльнулся ночному беглецу, отрицательно покачав головой и будто спрашивая: думаешь, ты тут первый такой хитрый? Бывали ведь и до тебя!

Плитками зашуршала черепица, шелухой посыпавшись вниз.

Биска, ждавшая меня на жестяном балкончике, утопила лицо в ладони, дивясь моей нерасторопности. Где-то на ее остром языке таились заготовленные по мою душу оскорбления, но она сдержалась.

Инквизитории встрепенулись, будто испуганные птицы, вскинув ружья. Рухнувшая наземь черепица явно их взбудоражила. Я ждал, что с секунды на секунду ночная тишь взорвется ревом сирены, но ее не последовало.

Показалось, что на этот раз пронесло, но я увидел, как, потеряв всякую осторожность, Биска шикнула на меня, велев быть быстрее и спускаться как сумею, только бы быстрее!

Причина ее волнений явилась передо мной в мгновение ока. Вспорхнув, птица, сплетенная из серебряных нитей, огласила округу вороньим зычным карканьем. Блестели точки глаз, сразу же приметившие во мне жертву.

– Стоять! Инквизиторская служба! – послышалось откуда-то с земли.

Я выругался, чуя, как получил на руки сомнительное право рулить несущейся к обрыву повозкой. Не дожидаясь, пока я соизволю сдаться, чародейская птица бросилась на меня,

словно коршун, выставив когти – сорвавшаяся с насиженного места Биска вдруг вцепилась в нее разросшимися когтями.

Осатанев, она драла несчастную птицу – одно за другим наземь сыпались тающие полупрозрачные перья.

Я не терял времени даром и тут же перескочил на тот самый злосчастный балкончик. Он принял меня на себя очень мягко, но я не стал ждать – тут же бросил собственное тело на торчащий слева выступ.

Ой как зря я это сделал! На миг в голове мелькнула мысль, сможет ли дьявольский щит защитить мою тушку от падения, когда кирпич под моей рукой вдруг решил раскрошиться.

Не успел даже вскрикнуть, как сила притяжения, кровожадно потирая ручонки, потащила меня вниз. По мне ударили ветви многолетнего, доросшего аж до третьего этажа дуба. Я слышал, как затрещала одежда, цепляясь за сучки. По рукам и лицу, будто плетью, хлестали прутья – от отчаяния и надеялся уцепиться за них. В руках оставались лишь жалкие листья да обломки, с каждой секундой таяли все надежды, что удастся спуститься хоть сколько-нибудь целым. Вот же, наверно, потешится Орлов, когда меня, перебинтованного с ног до головы, будто мумию, увезут инквизитории...

Я врезался спиной в толстенную ветвь дерева – боль, пронзившая меня, волнами пошла по всему телу, обездвиживая, превращая в беспомощное туловище. Словно до этого мне было мало проблем, послышался выстрел. Инквизиторское ружье разразилось ярко сверкнувшей в ночи молнией. Разряд шипящей змеей вспорол ночную мглу, опалил ближайшие листья – страшно представить, что было бы, попади он в меня.

Ничего, смеялся злой сарказм, у тебя еще будет такая возможность. Дай им только спуститься...

Биска рухнула наземь вместе с их чародейской птицей. Последняя все еще изрыгала из клюва хрипящий, полуживой гул. Из могучего коршуна она вмиг обратилась общипанной курицей: ворох перьев кружился в воздухе, медленно опускаясь наземь. Дьяволица тут же поднялась, кошкой выскочив перед стрелявшим, злобно оскалив клыки. Я видел, как широко разинулась ее вытянувшаяся демоническая пасть – огромные, едва ли не в палец длиной клыки зло сверкнули в тусклом лунном свете. Еще недавно готовые изрешетить дуб из своих магических пукалок служители магического правопорядка переключили внимание на нее. Дьяволица скалила клыки, окруженная толпой служителей. Словно загнанный в угол зверь, припадала на руки, норовя дикой кошкой наброситься на любого, кто посмеет сделать к ней хоть шаг.

Никто и не посмел. Выстрел из инквизиторского ружья врезался ей в живот – тот лопнул, словно мыльный пузырь. Биска задрожала, покрываясь с ног до головы волдырями, на ее лице отразилось нечто, похожее на недоумение, словно ей было в новинку быть подстреленной.

Почти бросился ей на подмогу, прежде чем меня схватили за руку. Настоящая дьяволица приложила палец к губам, велел умолкнуть; я же оставил все свои вопросы на потом.

– Там!

Наша маленькая уловка пошла под откос сразу же, едва нашелся один глазастый инквизиторий среди остальных. Фальшивая чертовка все еще билась в конвульсиях, словно кукла, когда они открыли по нам огонь. Я снова чуял себя мальчишкой. Передо мной забор, позади полный вкуснейших яблок сад, в животе – те самые яблоки. Уши режет раскатистая брань деда Егора, уже бегущего по наши души с ружьем наперевес, а мы ведь тогда спорили с друзьями, соль у него там или дробь.

Вместо приятелей была Биска – набедренная повязка бесстыдно задралась, обнажая круглые, крепкие, как орех, ягодичы. Столь же ловко, как и друзья, дьяволица перескочила через забор, предлагая мне повторить тот же подвиг. В ружьях инквизиторийев было что угодно, кроме соли, и моя задница была крайне против получить в себя заряд чего бы там ни было.

Как же я ее понимал!

Из последних сил набросился на стену – никогда бы не подумал, что смогу бежать по отвесной стене, как в фильмах. Видимо, страх и благородство творят чудеса.

Спрыгнул вслед за дьяволицей, колени застонали от приземления, тотчас же запросив пощады. Тяжкое дыхание вырывалось из глотки. Казалось, что еще чуть-чуть – и я начну дышать огнем, словно дракон.

Автомобиль с выключенными фарами вырвался из ночной мглы, едва не налетев на меня. Я застыл на одном месте, решив, что все повторяется: сейчас меня наматает на колеса, и я проснусь...

Тело среагировало быстрее головы, тут же прыгнув на капот. По животу будто кувалдой ударили, ночную тишь вспорол визг тормозов.

– Чего разлегся? Садись! – Биска дернула меня за шкирку, ставя на ноги, словно мальчишку. Мне казалось, что я брежу: на водительском месте, вцепившись в руль, будто в штурвал космического корабля, грозно прищурившись, восседала Майка. По ту сторону стен загрохотал двигатель грузовика, скрипя, отворялись ворота офицерского корпуса. Казалось, еще чуть-чуть – и готовые ринуться в погоню инквизитории сорвут их мощью своей машины с петель.

Не раздумывая слишком долго, нырнул в уже приоткрытую для меня дверцу автомобиля, плюхнулся на сидение. Майка ударила по педали газа, словно отъявленная гонщица. Черт, сидящий внутри двигателя, видимо, был из породистых – взревев, словно буйвол, он рванул машину с места. Зашелестели, проворачиваясь по асфальту, высекая из-под себя щебень и дым, колеса.

Глава 4

Нас бросало из стороны в сторону. Я сделал себе пометку на будущее: никогда в будущем не пускать Майю за руль автомобиля. Огненная дочь Тармаевых, казалось, жила в каком-то своем, особенном мире. Застенчивая еще позавчера, сегодня она уже желала быть самой отрывной сорвиголовой всего Петербурга. Я бросил на нее взгляд с пассажирского сидения: у нее блестели глаза от дикого, неизбежного и почти что детского восторга.

Автомобиль поддавался ей неохотно, я слышал, как костерит непутевую водительницу сидящий внутри двигателя чертенок. Биска была тут же, на заднем сидении – тяжело дыша, она, отвернувшись, смотрела в заднее окно. Ее напрягал пуск и лениво переваливающийся с колеса на колесо грузовик, но неизменно прибавлявший в скорости, едва нам удалось хоть на метр вырваться вперед. Я почему-то ощутил себя тем самым похитителем, за которым гнался сам.

Демоница нервно терла рога, поправляя волосы – судя по всему, ее ждало нечто неприятное, если нас все-таки сумеют нагнать. И на этот раз протекторат Егоровны ей не поможет, не говоря уже о том, что она дочь самого Сатаны.

Майя вывернула руль, автомобиль резко рвануло в сторону ближайшей подворотни. С диким мявом бросились врассыпную дворовые коты, взвизгнули тормоза – мы чуть не придавили затаившуюся влюбленную парочку, лица несчастных разом побледнели. Меньше всего они ожидали подобных гонок именно в это время.

Зад машины занесло, стукнуло о кирпичную стену. Скрежет металла мерзким звуком врезался в уши, посыпались искры, но я услышал лишь Майкин смех – ей все это казалось до бесконечного веселым.

Инквизитории не решились гнать за нами, остановились на полпути. Форменный грузовик норовил застрять в слишком низкой для их самоходной будки арке. Я слышал, как возмущенно хлопали дверцами раздосадованные погонщики – кажется, мы только что лишили их премии.

Я пожевал губы, раздумывая, что же будет дальше. Будущее потирало ручонками, не обещая мне ничего хорошего. В нем притаились инквизитории, готовые засадить меня на тысячу

веков в пыточные застенки лично Егоровны. Но перед этим меня с позором вышвырнут из училища – как я буду смотреть в глаза Ибрагиму?

Про старика как-то и забыл. Память неохотно делилась информацией, что мы с ним расстались у самых стен офицерского корпуса. Бдительная охрана, уже выставленная по души тех, кто честно жить не хочет, смотрела на него так, будто он собирался вытащить из своих старых портков тысячу бутылей с Никсами. Куда он пошел? Что с ним стало? Усталость тогда заставила меня позабыть обо всем...

– Оторвались... – Дьяволица расслабилась до такого состояния, что, казалось, готова была растаять прямо там, на заднем сидении. Мне же подумалось, что если она не бросит привычку начищать ладонями свои рога, то в них вскоре можно будет смотреться, словно в зеркало.

– Биска, – хрипло и одними губами проговорил я, привлекая внимание к себе. Она обернулась неохотно и даже с какой-то ленцой. Все еще гонимая одним лишь только азартом, Майка и не думала сбавлять скорость. Двигатель автомобиля ревел, вытягивая одну за другой чертову силу. Мне даже стало жалко несчастного, запертого внутри механизма бесенка.

– Биска, у тебя есть эта гадость? Ну та самая, которая на мосту?

– Сапфировая настойка?

Она сразу же догадалась, о чем говорю, а я подтвердил, кивнув. Закопотившись где-то в сумке, бурча под нос что-то неразборчивое, протянула мне флягу, к которой приложился сразу же, сделав несколько огромных глотков.

– Эй, не все сразу! – возмутилась она, пытаясь вырвать сосуд из моих рук, но было поздно – я осушил его до самого дна. Потряса его, будто в надежде выцедить оттуда хоть каплю, дьяволица осуждающе цокнула языком.

Майка же, наконец, решила сбавить скорость. Ее былой настрой сходил на нет, в любой момент норовя обратиться если не ужасом, то дикой боязнью. Плескавшийся в крови адреналин выветривался прочь вместе с ночным воздухом – я видел, как начали подергиваться уголки ее рта, как часто она заморгала.

Плевать, сказал самому себе, откинувшись на сидении. Силы, которые притащило мне дьявольское пойло, еще только разливались по всему телу, норовя проникнуть в каждую изможденную мышцу и заполнить ее собой.

В грудь мне ткнулась Майка, я понял это не сразу, как только открыл глаза. Положил ей ладонь на голову, погладил, успокаивая.

– Ничего. Это... ничего. – С моих уст лились ничего не значащие, эфемерные и слишком обтекаемые глупости. В них можно было распознать и привычные «все обязательно будет хорошо», и «мы что-нибудь придумаем».

Я был рад ее видеть – живой и здоровой.

– Дурак! – вдруг выкрикнула она, бессильно ткнув меня пару раз кулачками. На большее у нее не хватило сил. – Ты хоть знаешь, как я переживала? Что успела себе только надумать с того самого вечера. Знаешь?

Я не знал, но беззастенчиво врал, что знаю. Кивал, принимая ее маленькую истерику как должное. Сейчас она успокоится, и все обязательно будет хорошо.

Ее неровное дыхание стало спокойнее, слезы, беспощадным градом текущие из глаз, высыхали крохотными алмазами прямо на щеках. Сейчас она начнет снова злиться – уже на саму себя. За то, что дала волю чувствам, за то, что...

– Может, займетесь этим как-нибудь потом и в другом месте? – раздраженно отозвалась Биска. Я слышал в гласе дочери преисподней неприкрытую ревность. Майка приподняла голову, взглянув на чертовку, но, соглашаясь с ее словами, кивнула.

– Нам лучше бросить этот драндулет и быть от него как можно дальше, – не унималась с наставлениями Биска. Майка же шмыгнула носом, потянувшись к ручке двери, собираясь ее открыть.

– Ты что же, ее тоже видишь? – Не сказать бы, что я был сильно удивлен, но все-таки прояснить очень хотел. Пламенная чародейка не нашла в себе сил для ответа, лишь кивнула. Чертовка же пожала плечами.

– Как-то так вышло. Наверное, по той причине, что была там, у меня дома, вместе с тобой. Теперь она, как и ты, отмечена преисподней.

– И видит чертей? Повсюду? – Я едва не икнул от того ужаса, который должна была испытать Майка, обнаружив эту маленькую деталь. Наверняка она подозревала, что все их технологии тащатся за хвостом нечистого, но чтобы вот так, прямо в уличных фонарях, как в клетках?

Биска отрицательно затрясла головой, прояснила:

– Не видит. Но вот меня почему-то, может. Думаешь, у меня тут в кармане ответы на все вопросы лежат?

Надо было отдать ей должное, именно так я и думал. Выдохнув, дьяволица лишь обвинила меня в том, что это грубо.

Ночной воздух показался мне до бесконечного пьянящим. Авось, на котором я все это время выезжал, вновь подкатил вороным конем, услужливо убеждая, что и в этот раз он протаскивает меня сквозь огонь, воду, медные трубы и даже через практику.

Едва вспомнил о последнем, как стало неприятно. Мне-то казалось, что заполучу я треклятую бумажку – и все мои проблемы хоть на денек-другой, но отступят прочь, а нет, сразу же похищение случилось. Теперь вот – придется выискивать какие-то оправдания того, что я бежал из-под охраны. Оправдания, как назло, не желали лезть в голову, предлагая хоть в этот раз выкручиваться самому.

Майка выползла из автомобиля следом за мной. У нее чуть не подкосились ноги, но я вовремя оказался рядом, взяв под локоток, обхватив за талию. Она смотрела на меня сейчас, словно на звезды, а я чуял дивный дух французского парфюма, исходящий от нее. Даже на дело она решила идти со всем женским обаянием.

К слову, если уж на то пошло...

Я нахмурился.

– Майка, ты что тут вообще делаешь?

– Ты мне не рад? – Она вздрогнула, сжалась, будто у неё сердце ушло в пятки я замялся.

– Рад, конечно же. Но никак не думал, что ты станешь той, кто увезет меня из-под огня инквизиторских ружей. И потом, ты ведь ушла домой после той ночи. От тебя не было ни слуху ни духу, одни только тру...

Она коснулась пальцем моих губ, не давая договорить, покачала головой, улыбнулась. Так смотрят на только что спасенного, вытасченного из кровожадных кошачьих лап хомячка.

– Какой же ты все-таки у меня дурачок, – пролепетала она, скрывая под последним словом с десятков тысяч разных смыслов. – Я вернулась домой, потому что меня уже начали искать. Представь, что было с отцом? После того как на нас напали, он думал, что меня похитили.

– Ну если говорить формально, то он правильно думал... – отведя взгляд в сторону, пробубнил я. Биска, словно это был укол в ее сторону, покачала головой и выдохнула. Если она думала, что у меня к ней не будет вопросов, то думала неправильно. Я повернулся к дьяволице. – Что касается тебя – что там такое было, у самых ворот?

– Ась? – Она сделала невинный вид, будто не понимая, о чем я. Все она прекрасно понимала, игриво поправляя прядь волос, борясь с сильным желанием еще раз потерять рога.

– Когда ты оказалась в окружении этих, с ружьями, они открыли по тебе огонь. Я думал, что тебе конец.

– Как грубо, – нехотя отозвалась она, позволила себе улыбку. – Видишь ли, умение пускать со спины тень есть не только у тебя, но и у других. И некоторые умеют это делать даже лучше, чем ты.

Я лишь диву дался, покачав головой. Это, выходит, там, в преисподней, она столько раз могла использовать подобные фокусы, но почему-то этого не делала? Ладно. Оставим подобные вопросы для какой-нибудь более благоприятной обстановки.

Окинул взглядом обеих девчонок, задавшись новым вопросом: как оно произошло? Уставившись на меня, они озадаченно глазели, пытаясь понять, что же за мысли крутятся в моей голове.

– Как? – обратился я к ним.

– Что «как»? – вдвоем, будто сговорившись, переспросили они в один голос. Майка смутилась такой синхронности, зарделась. Биска же была непоколебима.

– Как вам это удалось? Собирается Майка ложиться спать, надевает... ночную сорочку... – Мне казалось, что в своих измышлениях я гордо вышагиваю по минному полю. Майка ловила каждое мое слово, будто желая понять его по-своему. – Готовится ко сну. И тут из ниоткуда вылезает Биска. Говорит – седлай машину, поехали помогать нашему лучшему другу. Так что ли?

– Из патефона, – поправила чертовка, разглядывая собственные ногти: они казались ей куда интересней нашего разговора. Подтверждая ее слова, Майка кивнула, наконец, улыбнулась. Ей как будто самой было дико вспоминать то, как все произошло.

– Знаешь, Федя, все так внезапно. Отец запер меня на семь замков и подумывал уже о восьмом. Я... отдыхала...

– Рыдала в подушку. – Биска звучала гласом правды.

– Предавалась воспоминаниям о нашей ночи. – А это уже было уколom в сторону дьяволицы. Майка будто желала побравировать перед ней, что мои руки касались ее раньше, чем дошли до дьявольских телес. Мне же подумалось, что не стоит рассказывать Майе о том, что мы делали с Алиской и Биской сразу же после того, как спаслись после похищения. Майя продолжила: – Эта бестия вылезла прямо из патефона, представляешь? У меня язык отнялся от возмущения.

– От дикого ужаса. Не знаю, как она только не закричала. Но заходить через дверь, живчик, ты же знаешь, это скучно.

Биска привалилась к ближайшему фонарному столбу. Со стороны могло показаться, что она попросту манерничает. Но я чуял, если не слышал, как она говорит с одним из своих младших собратьев, заключенных в это унижительное узилище.

Майя пропустила ее слова мимо ушей. Я почесал затылок – да уж, с этой парочкой я точно каши не сварю. Если они будут друг в дружку кидаться шпильками. Надо обязательно поработать над командным духом...

– Я сначала подумала, что попросту уснула. Испугалась, что вот-вот снова окажусь в аду, а тебя... рядом не будет, – прильнула ко мне, обхватила руками, прижалась. Сегодня она была куда смелее себя предыдущей. Сама взяла мои руки, поместив их на талию. Наверняка девчонка давненько подумывала над тем, чтобы Рысев-бывший поступил с ней таким образом. А наша совместная ночь попросту развязала ей руки.

– Так ли важно, о чем мы с ней говорили? – Майка привстала на цыпочки, желая дотянуться до моих губ, впиться в них горячим поцелуем. Я решил, что она права. Не так уж и важно на самом деле, и пошел ее желаниям навстречу.

Биска кашлянула, разрушая нашу идиллию.

– Если вы желаете продолжить свои облизывания, может, будете делать это где-нибудь в другом месте? Отряд инквизиторий прочесывает улицы. Если не хотим попасться в их лапы, лучшее, что можно сделать, так это унести ноги.

– Куда мы хоть идем?

Я обернулся к дьяволице, справедливо подозревая, что в ней не попросту заговорила ревность, а информация у нее из первых рук. От собратьев. Надо будет, подумалось мне, точно так же попробовать поговорить с теми, кто таскает телефонные звонки и крутит энергию для лампочек. В конце концов, я полудемон! И черти мне уже помогали как своему сородичу.

– Улица Сакко и Ванцетти говорит тебе о чем-нибудь?

Я кивнул, но только если собственным размышлениям. Подобной улицы в Санкт-Петербурге отродясь не водилось. Почему-то вспомнилась учительница истории, с благоговением вспоминавшая город Торпу и свое учебное заведение на улице этих известных анархистов.

– Так вот, в восьмом доме нас ждут, если верить тем адресам, что мы нашли у твоего похитителя.

Я кивнул в ответ, доверив Биске вести нас. Взглянул на автомобиль, который мы оставили на пешеходке, у меня застонали ноги. Им-то хотелось еще немного, пусть даже если снова пустить Тармаеву за руль, но прокатится на этом чудном агрегате. Желательно прямо до этих самых Сакко с Ванцеттиями.

Я же лишь выдохнул.

Майка прибилась ко мне, словно маленькая птичка, будто сызнова стала самой собой. Из оторвы превращалась в нежную девочку-припевочку. Поверить, что ей удалось угнать автомобиль из отцовских гаражей – остались ли у них после пожара гаражи? – мне было почти не под силу.

– Машину, – хрипло кашлянул я, – где взяли?

– Угнали.

Майя сказала с какой-то несвойственной для ее натуры легкостью. Будто она каждый день только и делает, что прыгает в чужие авто, чтобы прокатиться по ночным улицам Петербурга. Может, она и еще что другое по ночам делает? Надевает костюм летучей мыши, чистит хлебала маньякам-расчленителям?

Я хмыкнул собственным мыслям, погнав их прочь. Биска же, казалось, не могла удержаться от излишних подробностей – они так и сидели у нее на языке, желали быть озвученными.

– Угнали. Знаешь, это ее первый опыт.

Я глянул на Майку, которая вмиг сжалась. Облизнул высохшие губы: надо будет потом отчитать их обеих. Майку за то, что она столь глупо рискует собой, а Биску – хотя бы за то, что она такая Биска.

– Мне страшно было, – тихонечко пискнув, как мышка, призналась девчонка. Мне нравилось чувствовать ее в своих руках, нравилось, как пахнут ее волосы. Хотелось бросить все наши поиски неизвестно чего неизвестно где да хорошенько отдать должное ее женским чарам. Дьяволицу тоже стороной не обойду.

– Я слишком сильно испугалась за тебя. – Она оправдывалась, я нахмурился.

– Никогда не оправдывайся, – шепнул ей прямо на ухо. – Другьям это не нужно, а враги не поймут.

Она кивнула, вняв моим словам, вот только то, что я назвал ее просто другом в данном контексте ей не очень понравилось. Ладно, мы потом скажем ей что-нибудь другое.

– Здесь, – через сотни три метров сказала Биска, ткнув в дом, что больше походил на старый, давно отживший свое сарай.

Штукатуренные стены щерились сквозь проломы зубами кривых, крошащихся кирпичей. Грязная подворотня была полна жизни – почти человеческой и не очень. Я шурился, высмотрев среди кучи валявшегося тряпья движение. Бездомный, бесконечно пьяный мужлан приоткрыл один глаз, обдав мир сивушным духом, пробубнил что-то невнятное и снова ухнул в пучины

сна. Всполошились мирно спавшие коты, бросившись врассыпную. Будто все перевернулось с ног на голову, за ними бежали жирные, хвостатые крысы.

Майка вцепилась в меня пуще прежнего – и я даже не знал, что именно из увиденного ее пугает больше. Сказать же сейчас можно было только одно: если где и должен жить отброс общества, убивающий и похищающий благородных господ, то именно в таком притоне.

Дверь подъезда поддалась легко, желая впустить нас в дивный новый мир. Впрочем, это для огненной дочери Тармаевых он был чем-то новым, я подобного успел насмотреться еще в прошлой жизни. Биска же... никак не реагировала. Грешники для нее всегда оставались грешниками, а люди – людьми. На мордочке бесячки разве что отразилась нескрываема маска презрения, будто ей было противно, что ее младшим собратьям приходится прислуживать таким грязным, никчемным тварям, как люди.

Я же был иного мнения о тех, кому повезло в этой жизни меньше меня самого. Отец всегда учил, что в любой момент могу оказаться в их статусе, а потому лучше благодарить судьбу, что пока удача не обходит стороной.

Я и благодарил.

– Комнату? Понюшку? Девочку? А может... мальчика? – Выскочившей перед нами особе едва ли перевалило за пятнадцать. Но выглядела она на все тридцать. На очень лихие, битые жизнью тридцать. Я лишь отрицательно покачал головой в ответ.

Дом жил своей особенной ночной жизнью. Не отказавшиеся от девочки, а может быть, даже и от мальчика стонали на все лады этажом выше. Курили небритые, плотные мужики, бросая на нас полные заинтересованности взгляды. То ли им было интересно, что здесь забыл такой мажористый офицерчик с дамой под ручку, то ли желали проверить содержимое моих карманов.

На первое я бы им вряд ли ответил, второе же разочаровало бы их в справедливости самой жизни.

Мы остановились напротив апартаментов. Дверь похитителя была единственной, что имела хоть какой-то номер – не иначе, как сюда частенько наведывались гости и им нужен был хоть какой-то ориентир. Из квартиры напротив неслась грязная, пьяная ругань.

– Здесь? – Майка спрашивала у Биски, дьяволица лишь кивнула в ответ. Зазвенели ключи, вынимаемые бесовкой из сумки, переключав в мою руку. Словно обе девицы страшно боялись раскрывать ту змеиную клоаку, что таилась по ту сторону стен.

Я, честно признаться, тоже.

Нехорошее чувство, одолевавшее меня с тех самых пор, как мы поднялись на нужный этаж сейчас только усилилось. Отбросив иные страхи, вонзил ключ в замочную скважину, отпирая дверь...

Глава 5

Если бы кто-то спросил меня, что же конкретно рассчитывал увидеть внутри, я вряд ли бы смог ответить. Где-то в самых потаенных уголках души сидело ощущение, что я злостный грабитель, взломщик, грязный мародер, что без спросу вломился в чужое жилище и готов грабить-грабить-грабить.

Мне казалось, что здесь уже будут гости. Те самые, что, опасаясь за собственные шкуры, примчатся уничтожать последние улики, что могли остаться.

Вместо этого нас встретили ночная мгла и тишина. Я поискал рукой выключатель, щелкнул им – тусклый свет раскачивающейся из стороны в сторону лампочки осветил нам путь.

Майя шла следом, словно забитый воробушек. Она начала шмыгать носом – ее что-то угнетало здесь, и она пока не могла найти этому слов.

– Что мы ищем? – мягко, полушепотом, будто боясь, что нас услышат иные обитатели дома, спросила она. Майка казалась мне сейчас малым ребенком. Даже после того как захлопнулась дверь, она боялась издать лишний звук. Женственная, изнеженная домашним уютом

натура трепетала от одного только осознания, в каком месте она оказалась. Вот тебе и сорви-голова с оторвой, вот тебе и огненная дочь...

– Все, – неопределенно отозвался я, но тут же поправил самого себя: – Все, что может показаться интересным. Карты, бумаги. Документы, письма... деньги.

Последнее я и сам не знал, зачем ляпнул, но от денег бы не отказался. Надоело уже быть на чужой шее, хотелось иметь какие-то средства. Голову все еще не покидала мысль купить Ибрагиму кортик из хорошей, дорогой стали – за все то, что он успел для меня сделать. Да и самому было бы неплохо вооружиться.

– Оружие, – кашлянул я, дополнив. Майку будто иглами кольнуло, когда она услышала о последнем. Схватила меня за руку, дернула на себя.

То, что она сделала дальше, захватило мое внимание. Здрава платье, соблазнительно обнажила нижний краешек трусиков. Ругаясь на саму себя, выложила на стол плоский, с торчащим цилиндром дула пистолет. Такие я разве что только в музеях Второй Мировой видел. А в том времени, в котором я сейчас оказался, должно быть, это была одна из новейших разработок.

– Взяла у отца, – честно призналась она. Биска фыркнула, отрицательно покачав головой – по ее мнению, девчонка устроила из всего этого представление, и не больше. И что если бы дьяволица захотела, она бы вытащила для меня из своего исподнего три тысячи точно таких же.

Я взял его. Пистолет был удобен, легок, палец так и просился лечь на спусковой крючок. Если все, что мне довелось видеть до этого, было револьверами, то этот имел магазин. Я надавил на кнопку, заставив обойму вывалиться прямо мне в ладонь. Вместо свинцовых шариков из плотных гильз на меня смотрели крошечные, почти лавовые, ярко горящие точки.

– Это яйца жарух, – проговорила Майя, словно это должно было объяснить все-все на свете.

Ясночтение оказалось куда информативней. Кристаллизировавшаяся скорлупа жарптиц, собранная в комки, отполированная под размер гильзы. Эта штука должна была стрелять чистым пламенем. Я лишь качнул головой – это что же, у меня сейчас в руках оказался самый первый миниатюрный огнемёт? До такого, пожалуй, не сумели додуматься даже в наше время.

Во первых, потому что глупо, а во вторых... пускай оно все катится к чертям, это ваше «во-вторых», мне определенно нравится эта штука!

– Надо будет потом вернуть, – удрученно и виновато призналась Майя. – Если отец узнает, что я брала опытный образец...

Я не ответил, только ухмыльнулся. Да уж, Майечка, если отец только узнает, что ты брала опытный образец для того, чтобы вооруженная им ворваться в чужую квартиру в каком-то бедняцком притоне, наверняка весь изойдет на радость, что ты оттуда вообще вернулась живой и хотя бы относительно целой.

– Нашла! – Биска, оказывается, единственная, кто занималась делом. Я поспешил на ее зов: дьяволица могла по праву носить гордое звание хламщицы всех времен и народов. Оставалось только гадать: это она устроила такой бардак или тут уже так было насрано?

Словно они были ей противны, чертовка свалила все книги с шкафов. Вывернутые, раскрытые, они кучей валялись на полу. Я приподнял одну, присвистнул от удивления. Собрание сочинений Вольтера на французском языке. По крайней мере, эти закорючки казались мне французским языком. А похитивший меня паршивец, оказывается, был тем еще знатоком.

С книгами соседствовали газеты, разномастный ворох бумаг, какая-то тряпка, в которой с трудом можно было признать давно отслуживший свое галстук.

Биска как самый свой великий трофей швырнула на очищенный ей же стол письмо.

Майка любопытным котенком высунулась у меня из-за плеча, положив на него подбородок.

То самое письмецо, в котором указывалась сумма за похищение некоего Рысева Федора Алексеевича. Так вот, значит, как моего названного батюшку звали. Что ж, будем иметь в виду – как-то я за все это время упустил момент вызнать столь малую, но подробность.

Я ухмыльнулся. Письмо с заказом, это, конечно же, очень даже хорошо, вот только что мне делать дальше? Кликнуть человека с компьютером, заставить пробить почерк по общей базе? Увы, подобные кунштюки только в детективных романах да сериалах случаются. У меня же под боком были разве что девочка-огонь да девочка, рожденная из огня. Спалить кого, отвести проклятие, иллюзию вызвать – это они пожалуйста, а вот разбираться в начертанных закорючках не их профиль.

– Ищем дальше, – мрачно сказал, и Биска разом поскучнела. Ей-то казалось, что она как минимум отыскала улику века, а я, вместо того чтобы осыпать ее ворохом благодарности и затискать в объятиях. Попросту спрятал ее находку в карман.

Явно требовалось разъяснение.

– Сама по себе эта бумажка ничего не доказывает. А главное, ни на что не указывает. Притащи я это письмо к Белым Свисткам, там они предложат им потереться. И будут правы.

– Чего же ты тогда хочешь?

– Неплохо было бы найти конверт. Может быть, там будет какая-нибудь печать? Незаметная деталь?

Я складывал письмо, собираясь спрятать его в карман, когда Майка меня остановила.

– Дай-ка сюда, – затребовала она, едва ли не вырывая листок из рук. Я послушно поделился с ней находкой. Мне казалось, что девчонка попросту хочет отыгаться перед дьяволицей, а может быть, и покрасоваться. Ждал, что она, отрицательно покачав головой и зажмурившись от смущения, вернет мне его.

Но вместо этого она широко раскрыла глаза от удивления.

– Я знаю, чей это почерк!

– Знаешь? – Сомнения все еще вертелись стаей демонов в голове. Она же бросила листок на стол, склонилась над ним, заставив меня последовать ее примеру.

– Смотри, видишь? У букв «в» и «д» особый наклон. Как будто они обхватывают шарик. И здесь, над буквами «т» надстрочные тире.

Я кивнул ей в ответ, сам не заметив, каким тяжелым стало дыхание. Тайна, едва не спрятавшаяся от меня на листке бумаги, могла бы остаться незамеченной, не притащи сюда Биску и Майку. Демоница как будто знала, что без помощи Тармаевой ничего не выйдет.

Здравый скептицизм хлопал мне в ладоши, но подкидывать свежих дров в костер размышлений не стал. Пожал плечами и сказал, что ни к чему. В конце концов, чего я добьюсь пустым недоверием? Паранойи?

– Так пишет только одна девчонка, что учится со мной. Наташа... – Майка назвала ее имя и неопределенно ойкнула.

– Что за Наташа? – Я цеплялся за ниточку ее находки, как за последнюю веревку. Девчонка сглотнула, прежде чем назвать имя целиком.

– Наташка Евсеева. Это же твоя сестра, Федя.

Я прищурился и вспомнил, что Кондратьевич рассказывал мне о моих кровниках. Выходит, он все это время был прав: обращаться к ним было бы большой глупостью. Повезло мне со слугой, не зря ж его класс в этом деле обозначен мастером.

– Поверить не могу, – залепетала Майя, опустив руки. – Я хорошо ее знаю, мы не самые близкие подруги, но все-таки. Я у нее очень многое про тебя выспрашивала.

– Ты точно не ошиблась? – Скептицизм, наконец, дал волю сомнениям. – Такой же почерк мог оказаться у кого угодно.

– Как и этот конверт, верно? – Биска, казалось, норовила стащить всю славу Шерлока Холмса. Ее маленький, пронырливый носик успел раздобыть в куче мусора скомканный кон-

верт с дорогой гербовой печатью. Майка побледнела пуще прежнего: она признала указанный символ.

– Евсеева... Наташа... Она же такая. И кому желать смерти? Тебе? Брату? – Где-то в наивных размышлениях Майи все еще жила вера в людей, братство и родство. Я же лишь отрицательно покачал головой, снова расстроив Биску.

– В этом конверте могло лежать что угодно. Какое угодно письмо, необязательно это, верно?

– Может, тогда перестанешь бубнить и поищешь хоть что-нибудь сам? – Дьяволица, казалось, готова была взорваться от моей привередливости. А я всего-то и хотел, что немного унять раздосадованную Майю.

Не признать правоту дочери дьявола было сложно. Пока мы точили лясы, она усердно работала.

– Это единственная конспиративная квартира? – на всякий случай спросил я.

– Нет, – недовольно буркнула бесовка. – Есть еще парочка, но я успела проверить их без тебя. В одну уже наведались, пока ты принимал почести и хвастался новым кителем, поступая в свой разлюбимый офицерский корпус.

Вот оно, значит, как. Похвальное рвение со стороны Биски, знать бы еще только, с чего вдруг такая любовь и забота о моей персоне пробудилась в ее грешном нутре. Или, если уж говорить напрямую – что заставило такую ленивицу, как она, действовать?

– А во второй?

– Вторая полна роскоши и пуста. Где бы ты предпочел встречаться с теми, кто хочет кого-то убить, похитить?

– Там, где об этом меньше всего заподозрят. В этой самой, где полно роскоши.

– В точку. – Биска немного потеплела. – А потому, если придут подчищать хвосты, куда явятся первым делом? Именно туда. Эту же квартиру оставят напоследок: в конце концов, кому захочется тащиться сюда? Следовательно, если и искать хоть какие-то следы, то только тут, правильно?

Я решил, что отвечать на ее вопрос очевидностью – как минимум оскорбить. А вот с сестренкой придется поговорить с глазу на глаз. Мне почему-то думалось, что у Евсеевых тоже мальчишка, что он наострит лыжи точно туда же, куда и я, а там уже можно будет понять, что он за человек и что собой представляет.

Я хмыкнул. Покажу этой самой Наташке и письмо, и конверт, а там посмотрим, как она запоет. В конце концов, яснотение подскажет, врет она или нет.

Под моей ногой хрустнуло. Всполошились девчонки, я понял, что дело дрянь, но это нас не спасло. Я будто только что собственноручно выпустил джина из бутылки – комната, в которой мы находились, резко заполнялась красным, почти дьявольским туманом. Только сейчас я вспомнил, что покойный был мастером предметов и наверняка раскидал в своей комнате парочку сюрпризов для непосвященных. Или для тех, кто явиться ворошить его добро.

Словно умалишенный, я бросился к двери, саданул об нее плечом – та встала будто намертво. Звуки пьянки где-то сверху тут же прекратились – то ли даже последние быдло понял, что дело дрянь, то ли нас запирало в герметичной, звуконепроницаемой тюрьме. Мне казалось, что я буквально спиной чую, как лыбятся над нами проклятый остроухий, земля ему шипами!

– Что случилось? – Майка прижала руки к груди. На ее миленьком лице отразились первые признаки зарождающейся паники. Или безумия – в окружавшем нас теперь полумраке уже было не разобрать.

– Что-что, ловушка, конечно же! – недовольно буркнула Биска, как будто ей к подобным фокусам было не привыкать. Она единственная, кто осталась стоять на месте, даже не дернувшись. – Стойте смирно, слышите?

Она наставительно, будто старый учитель, подняла палец. Мы вместе с Майкой обратились в слух. От набежавшего волнения я взмок, будто в бане. По лицу крупными каплями бежал пот, одежда мерзко липла к телу. Мне казалось, что прямо сейчас я слышу то, чего нет.

Тишина, повисшая в комнате, гоготала, жадно потирая руки. Она подсовывала нам шорох скребущейся где-то в углу мыши, легкие, едва различимые шажки бегущего по своим делам невозмутимого таракана. Осыпалась незаделанная дыра под трубу.

Красный туман, окружавший нас, лип к стенам, заливал собой окно, клеем проливался на дверь, запечатывая каждую из щелей. Внутри меня юным бесенком вертелось желание переспросить у Биски, какого же ляда тут, в конце концов, происходит?

Что мы слушаем-то?

И тут я услышал дыхание.

– Не двигайтесь. Не оборачивайтесь.

Я не знаю, как слышал голос дьяволицы: она говорила, не размыкая губ. Чувал только липкий, мерзкий ужас, ползущий мурашками меж лопаток. Мне казалось, что само безумие явилось из недр и сейчас копошится в моей голове своими холодными пальцами.

Майка тяжело дышала – молчание и неподвижность давались ей с огромным трудом. Лютое, воистину женское любопытство подначивало ее послушаться, обернуться, хоть краешком глаза, но узнать – кто здесь?

– Кто здесь? – как можно более буднично, не дрогнувшим голосом, натянув одну из самых безобиднейших улыбок на моську, проговорила Биска. У меня от пота слезились глаза. Отвечать демонице никто не спешил, но я чувал, как стоящий за нашими спинами изучает нас, словно собственную добычу.

Майка зажмурилась, собирая в себе последние силы. Мне казалось, что еще чуть-чуть – и она рухнет без чувств. Посчитает ли та тварь, что так удобно расположилась позади, это за движение? Я не знал, но проверять как-то не очень хотелось.

– Кто здесь?

На этот раз чертовка была злей и настойчивей. В ее голосе прорезалось нетерпение: больше показное, чем настоящее. Мне же хотелось верить, что Биска знает, что делает. Наша хвостатая спутница как будто отсчитывала удары собственного сердца, не спеша спросить в последний раз.

Майка взвизгнула, словно пойманная в силки. Я резко дернулся на ее окрик, услышал ругань Биски – та поминала недобрым словом всех святых. Огненную дочь Тармаевых подняло в воздух, словно куклу. Всполошившись, зайдясь пламенем, Майка пыталась высвободиться из лап чудовищного, рогатого нечто. Тяжелый хвост плетью небрежно раскачивался из стороны в сторону. Зеленые глаза пылали жадой крови, на морде проявился зловещий, голодный оскал. Когтистые лапы стискивали казавшуюся такой мягкой и беззащитной Майку. Извернувшись в его хватке, она ударила огнем из ладони – жидкой лавой он плеснул на лицо... феи.

Здравый смысл заверил меня, что он с этого самого момента умывает руки. Ибо поверить, в то, что перед нами нечто, зовущееся феей, было столь же непросто, как и прорваться сквозь пелену красного тумана.

– Кто здесь? – словно еще на что-то надеясь, проговорила Биска слова прежнего заклинания. Фей оказался недоволен Майкиным угощением. Второй лапищей он схватил ее за руку, и я понял, что еще чуть-чуть – и он сломает ее, словно спичку.

– Нет!

Я никак не мог позволить ему совершить что-то подобное с девчонкой. Пистолет удобно улегся в ладони, я загнал в него обойму. Руку дернуло от легкой отдачи – к истошным крикам Майи добавился птичий клекот, будто сюда заявила жар-птица собственной персоной. Мне казалось, что я вижу самое настоящее чудо – с дула сорвался огненный вихрь, на лету превращавшийся в дивного вида птицу. Размашистые, полные жара крылья опалили стены, заста-

вили Биску попятиться прочь: ее лишь едва задело расплывчатым силуэтом по плечу, чтобы в тот же миг на нем нарисовался свежий рубец царапины. Кометой кристаллическая пуля вонзилась в чудовищное нутро фея. Тот взревел от обиды, зашелестели по воздуху стрекозиные, не по размеру маленькие крылья. Булькнула мерзкая, коричневая, зловонная жижа потрохов, ошметками осев на ближайшей стене. Я сглотнул, выстрелив еще раз, надеясь, что случившееся с Биской мне не показалось. Руку поганца отсекло, будто бы клинком – Майка вместе с сжимавшей ее ладонью бестии рухнула на пол, тщетно пытаясь высвободиться от ставших безвольными, но от того стиснувшимися на ее талии пальцами. Импульсивно дергающиеся когти норовили разодрать ее платье, пробить собой кожу.

Третий выстрел прошел мимо – чудовище, познакомившись с болью, отступило прочь, затопталось на одном месте.

– Не робей, живчик! Вперед! Демоническое нутро подскажет! – выкрикнула Биска, накинувшись на собрата по нечистой силе. Тот встретил ее хвостом, сбив на лету, отправив на свидание с ближайшей стеной. Я же последовал примеру дьяволицы.

Во мне заговорил внутренний демон. Скалясь, высовывая острый язык, горя азартом в глазах, он просил не сдерживать его и дать порезвиться на полную катушку. Я вогнал в себя немалую долю демонических сил, увернувшись от уцелевшей лапищи чудовища. Вынырнул прямо перед кожистым, покрытым склизким панцирем животом, вгоняя в него один удар за другим.

Это было нужно всего лишь для отвлечения. Высунулась с моей спины только того и ждавшая тень, обеими руками перехватив спешащий рухнуть на меня огромный кулак. Я подбросил волыну – вот не зря же улучшал способность до того, чтобы у нее появилась третья рука, верно? Тень поймала оружие, тут же спустив курок – фей глухо охнул, прежде чем очередное воплощение жар-птицы срубило его бестолковую голову. Камнем она грохнула по полу, пачкая и без того замызганный ковер. Могучее тело оседало передо мной – кажется, мне удалось удивить эту образину перед смертью.

Демон внутри плескал ненавистью, шепча, что я все испортил. Что мне следовало дать ему возможность расправиться с этой тварью. Нарисовал мне картину, как я собственными руками разрываю погань в клочья, впиваясь острыми зубами в его плоть, рву, сверкаю взглядом.

Я осадил его, заставив уняться в момент.

Красный туман, все еще царствовавший в комнате, медленно, но отступал прочь. Я бросился к так и не вставшей на ноги Майке, желая ей помочь – с Биской-то все было в порядке: вон она, уже встает.

Под ногой снова хрустнуло – и мне захотелось утопить самого себя в ближайшем нужнике...

Глава 6

Открывшаяся перед нами картина говорила, что мне стоит быть аккуратней со своими словами, а уж тем более с мыслями. Вместо очередной ловушки зашуршал спрятанный где-то в недрах комнаты механизм. Часы с кукушкой отбили пятый час, хотя на дворе едва ли перевалило за полночь. Книжный шкаф, еще совсем недавно принявший на себя тело дьяволицы, сейчас охал, скрипя, раздвигаясь в сторону. По батарее тотчас же застучали, требуя тишины – видать, какой-то несчастный студент был вынужден здесь жить за неимением иного жилья. А мы самым постыдным образом помешали его спокойному сну. Ничего, кивнул я собственным мыслям, мы обязательно как-нибудь покаемся за этот проступок.

Остроухий похититель юных и благородных, кажется, обладал дивным и невесть каким странным вкусом, иначе зачем бы стал размещать уборную в потайной комнате? Белая, начищенная до блеска чаша унитаза будто предлагала мне исполнить обещанное и начать топиться в ней прямо сейчас. Я же решил, что как-нибудь обожду – пока что были дела поважнее.

Медленно, чтобы не задеть еще какой механизм, взвешивая каждый свой шаг, шел к Майе. Девчонка двигалась невнятно и невпопад – тонкие руки вцепились в большой, давно отогнутый палец чудовища, будто в надежде его сломать.

Бегущий перед глазами текст поздравлял меня с очередным поднятым уровнем. Воображение, будь оно неладно, представляло лог в виде совсем уж маленькой, пляшущей на одном месте девчонки, которая вопрошала, что я желаю сделать в первую очередь. Может быть, прокачать интеллект? Или мне до безумия не хватает харизмы?

Я же решил, что лишним не будет глянуть, что у меня там в способностях: до десятого уровня было еще резать и резать, но и помимо магии было куда вложиться.

Ветвь предложила мне громкое сморкание, что вызвало у меня немало вопросов. Это вообще способность? Ей было место в демонической ветке? Может, конечно, демоны сморкаются так, что содрогаются стены и лопаются барабанные перепонки, но описание не сообщало об этом, а я решил не рисковать. Интерфейс, желая привлечь мое внимание, подсветил, что с этого уровня мне доступны улучшения основной способности. А вот это уже точно интересно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.